

Литературный *диминах* народов Урала

Министерство культуры Свердловской области Свердловская областная межнациональная библиотека

Литературный диминах народов Урала Выпуск 2

Екатеринбург, 2014

ББК 84(235.55) P89 18 +

Редакционная коллегия:

Автух Ф.Р.

Васильева Т.В.

Колосов Е. С.

Лебедева Т.В.

Литературный альманах народов Урала. Выпуск 2 / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека; сост. Ф. Р. Автух; вёрстка Е.В. Арапова – Екатеринбург, 2014. – 140 с.

Ответственный за выпуск: Колосов Е.С.

Оглавление

Вступительное слово				
RNECOIL				
• Блинов Владимир Карпович				
• Гафурьянова Зухра Ахметовна				
• Деев Владимир Евгеньевич	22			
• Ким Станислав Валентинович				
• Тен Эдуард Игоревич				
• Хан Александр Евгеньевич	44			
• Шкиндер Виталий Иванович	57			
Проза				
• Алиева-Мясникова Амелия Такиулловна	69			
• Рыжов Григорий Михайлович				
• Николай Мхайлович и				
Геннадий Александрович Чугаевы	96			
Публицистика				
• Бакетов Валерий Борисович				
• Урванцев Лев Яковлевич				
Изобразительное искусство				
• Харасов Анас Амирович				
Указатель народов				

Вступительное слово

Вы держите в руках второй выпуск «Литературного альманаха народов России», который познакомит Вас с разнообразными по жанру и тематике произведениями, принадлежащими перу представителей шести народов, проживающих на Урале: башкир, белорусов, коми, корейцев, марийцев, русских.

Любители поэзии найдут в сборнике и поздравительные оды, и стихи-песни, и, конечно же, проникновенные строки о любви, природе, Родине. Иллюстратором своих поэтических произведений выступает художник-авангардист А. Е. Хан.

Не менее интересна и проза, представленная в альманахе: повесть, миф, рассказы, эссе, публицистические статьи пронизаны духом любви к родному краю, родным традициям и культуре.

Раздел «Изобразительное искусство» представлен колоритными работами заслуженного художника Башкортостана А. А. Харасова.

Свердловская областная межнациональная библиотека благодарит авторов, национально-культурные объединения за собранные и предоставленные для публикации материалы. При отборе материала, вошедшего в сборник, были учтены пожелания руководителей национально-культурных сообществ Свердловской области.

Все тексты в сборнике представлены в авторской редакции.

Влинов Владимир Карпович

Родился 10.03.1935 года в Иркутской области. В 1959 году приехал по распределению в г. Свердловск, в НПОА (оптико-механический завод). Здесь я проработал без перерыва в одном и том же отделе до 2005 года. Коллектив, в котором я проработал все эти годы, сформировался практически с моим приходом на завод. По мере взросления коллектива, в 80-е годы, стали появляться Юбиляры, которым было модно

писать шуточные поздравления и зачитывать их на торжествах от имени коллектива. В этом жанре на предприятии выявились талантливые сочинители: многие из них до сих пор здравствуют и творят. Вот тогда и я стал сочинять поздравительные оды без претензий на поэзию (это в 80-е годы). Правда, я поэзию любил всегда. Сейчас я — старик: лето провожу в деревне, в саду, выращиваю ягоды, овощи, ловлю карасей на ближайших водоемах, привечаю родных и знакомых.

Mame (90 Act)

Родная наша мамочка! Любимая, святая! Ты – нам маяк в пути, ты – солнце на земле. И в сумерки и в дни всем светишь, согревая, Теплом души своей уж 90 лет.

У нас ты, как и прежде – умница большая, Все видишь наперед и помнишь, что «вчера», Ты любишь жизнь «как есть», хотя она «такая», И веришь, что придет прекрасная пора.

Большим владея опытом и жизненной наукой, Ты каждому из нас находишь что сказать, И проживаешь жизнь своих детей и внуков, Умеешь дать совет, утешить и понять.

Познала тяжкий труд ты «в грозы и морозы», Не требуя похвал, подарков и наград, И боль обид, нужду, страдания и слезы, И горе, и тоску от роковых утрат.

Но все переживания тебя не подкосили, надеемся на то, что так же, как вчера, Послужат нам твои живительные силы Бальзамом оптимизма, здоровья и добра.

Желаем сил тебе и жизни благотворной, Не знать потерь и зла, тревог и нищеты И просим твоего мы ангела покорно Беречь тебя от мук, болезней и беды.

Благодарим за все: за ласку, за терпенье, Что думаешь о нас ты каждый день и час, За сердца доброту, за мудрость, за прощенье, За то, что, дорогая, ты есть в душе у нас.

На празднование первого года со дня рождения Милана

Земля кружит вокруг Светила, Как кур, надетый на шампур, Вертясь юлой. И вот наш Милан На ней свершил свой первый тур. Замкнув виток определенный, Он, на родной, земной тверди, На радость всем в него влюбленным, Протопал первые шаги.

Он вышел в мир живой и сущий, На свой заветный Млечный путь. И пусть ему сей путь в грядущем Прямым и светлым будет. Пусть!

Для всех луч Солнца щедро льется, Для всех в Галактике планет. Но у него – свои два солнца, Им на земле замены нет.

Они ему - ларец желаний, Любовь, тепло, авторитет, Огни маячные в тумане И вечный, негасимый свет.

Натуля! Саша! Постарайтесь Внести в дитя доходный вклад: Свой ум, талант ему отдайте – И он вам возместит стократ.

Помочь ему найти призванье В земном космическом краю, Чтоб он умело, без терзаний Орбиту вычислил свою.

Не бойтесь суетной работы, Чтоб всем лихим ветрам назло, Для предстоящего полета, Его поставить на крыло.

Прошу: чтоб были вы к ребенку Равно и мягки, и строги, Чтоб мог он весело и звонко Вершить с Землей свои круги.

Чтоб, несмотря на все капризы, Он оставался, как сейчас: Для вас – звездой и смыслом жизни И утешением – для нас.

И в завершенье сочиненья Вас поздравляю, не шутя, С чудесным Первым Днем рожденья Милого вашего дитя.

Станция Тырсть

Порою нам, как сквозь туман, Из прошлой жизни-киноленты Выводит память на экран Её отдельные фрагменты.

И вот: я вижу отчий дом; Мы всюду вместе с братом Толей – То в первый класс идем вдвоем, То спину гнём в колхозном поле;

То в пятый класс спешим зимой, Пятнадцать вёрст, и стынь, и в заметь С буханкой хлеба за спиной И с замороженными щами;

То ловим щук и окуней Мы на озёрах Шарагульских, То с собачонкою моей Идём на уток, иль на гуся.

С нас не спускают строгих глаз Родные сёстры Шура с Аней; Отец заботится о нас И молодая мама – с нами.

Но вот: мне – станция Тыреть, А брату – ехать в Черемхово; Ему и мне – отныне впредь Идти своей дорогой новой.

Тыретский школьный интернат Из сёл далёких, захолустных Собрал нас, маленьких ребят, Со всей округи, самых лучших.

Со мной от первых от звонков До выпускного сочиненья-Кобзарь, Утович, Теренков – Мои друзья поры взросленья.

Мне не забыть прощальный бал, Где нам, романтикам, когда-то Слова напутствия давал Василь Васильевич Шкуратов...

Фрагменты старого кино Про то, что в детстве было с нами, О том, что было так давно, Нам снятся зимними ночами.

До мига, когда скажет смерть, Чтоб я на Божий суд явился. Я помнить буду станцию Тыреть И корешей, с которыми учился.

Мадам Баторфляй (посвящается Елене Дементьевой)

Летом ли душным, иль лютой зимой В Оперу рвется народ городской. Люди идут насладиться бельканто, Чудо увидеть, похлопать талантам.

Тот, кто не ходит, тот беден душой, Миру прекрасного, просто, - чужой. Оперных ценностей горе-хулители, Просто, - несчастные, глупые жители.

В городе снова кружит февраль, В Опере нашей – Мадам Батерфляй, В партии главной – козырная карта, Елена Дементьева, прима театра.

Певцами великими славен Урал. Леночку знает любой театрал. В роли любой примадонна Елена – Императрица оперной сцены.

Нынче к её повержен ногам: Силой искусства сразила Мадам. Я обречён петь ей оды и гимны За голос её совершенный и дивный. За волю к победе, за ум, красоту; За важные роли в реальном быту; За то, что без важности, к нам, бесталанным, Снисходит порой с высоты осиянной.

Дай же ей, Боже, над нашей землёю Вечно сиять негасимой звездою; Славы всемирной везде и всечасно Мира, любви и житейского счастья.

Молитва

От эпидемий, катастроф Страдает мир жестоко. И это всё – не просто рок, Всё – говорят – от Бога. Живёт народ честной отбед И сиро, и убого. На то опять один ответ: Всё – есть во власти Бога.

Ежесекундно во все дни С Господня позволенья Разнообразными людьми Творятся преступленья.

О, Боже наш! В любые дни, Мы – божьи твои дети. Теперь за деток – извини,- Ты, Отче наш, в ответе.

Ты создал нас, чтоб пить и есть, Плодиться, жить в совете... Но почему вот то, что есть

Творится на планете?

О, Всемогущий, не тебе ль Известны механизмы, Чтоб отстоять благую цель Тобой вдохнувшие жизни?!

Всяк сущему дана судьба Законами природы, Но дай нам выразить себя В отпущенные годы.

По прихоти твоей, наш Бог, Мы на Земле не вечны, Но дай нам каждому свой срок Прожить по-человечьи.

Давай же, Господи, на стол Вседневно хлеб насущный, Но не оставь без пищи, что Питает мозг и душу.

Дай всем нам, ближнего любя, Жить долго и богато...
Прошу не только за себя, Но и за вас, ребята, Кому душевно посвящал Заздравные куплеты, С кем пел, работал и дышал Я в памятные лета.

Гафурьянова Зухра Ахметовна

Родилась и выросла в городе Ижевск. Сначала училась в Казанском театральном училище, затем поступила в педагогический университет. После окончания ее направили в село Азигулово Артинского района Свердловской области, где она вышла замуж и проработала 38 лет в школе - преподавала русский язык и литературу. Несмотря на то, что учила детей русскому языку, очень любила родной язык и выражала на нем свои мысли, чувства, идеи в стихах. Пишет не только стихи, но и басни, хорошо рисует. На некоторые ее стихи сложены песни, которые с удовольствием поют как взрослые, так и дети.

Перемеси

Мама печку затопила И колдует у стола, Я с постели тихо встала, Тихо к маме подошла Руки мамы месят тесто – Будет печь перемеси, В ожидании кот Васька Важно ходит у печи. Мама ласково сказала: Дочка, ну-ка, помоги, Вымой скоренько ты ручки И платочек завяжи. В доме пахнет вкусно-вкусно Печка весело трещит Зарумянилися щечки, Разыгрался аппетит. С мамой мы с зарею встали Потрудились у печи Все готово, все вставайте, На столе – перемеси.

В дороге

Снова еду я в свой город, В лоно юности моей, Где витает запах детства, Запах стройных тополей. Еду, радостью объята Сердце бьется и поет, Будто едет не по трассе -Совершало перелет. Все настроено, все мчится Все встречать меня готовы Ели мне ветвями машут И берез наряды новы Ветер ласково мне шепчет – Что ж ты нынче запоздала? Иль не ты, по нас тоскуя, Не скучала, не страдала? От души я улыбалась, Только все притихло вдруг: Смотрят на меня соседи, В чем тут дело не поймут. Невдомек им, им не слышен Наш с природой разговор Так с улыбкой вдохновенной Въеду я в родной наш двор.

Стихи мои - укромный уголок, В них я могу от бед укрыться Под пологом цветной моей мечты Сомкнув глаза, на миг забыться И очутиться на лугу. Где ивы плачут над рекою,

Ласкать ромашек на ходу, Коснуться край берез рукой. Могу взлететь я без труда И в небеса за журавлями, Лететь в родные дали. Вновь очутившись на земле, Почувствовать себя сильнее И знать, что снова посетят Меня минуты вдохновенья.

Моя родная сторона – Уральская земля! Стихов уж сколько сложено И песен про тебя. Воспета ты и русскими, Татарами, марийцами Башкирами, удмуртами Поэтами - Уральцами. В их песнях - зори тихие, Красе твоих лесов И гор твоих величия, Цветы твоих лугов Все это - как дар божий Вобрали мы в себя, За что, земля родная, Благодарим тебя.

Заневестилась душечка - зайка...

Заневестилась душечка-зайка, Изнывает, томится душа — Зайцев много резвится в округе, Как найти по себе жениха?

Жениха молодого такого, Удалого и очень крутого И чтоб ничего, ничего В нем не было от зайца косого... Может пес тот, который Глаз давно на нее положил? Как давеча он гнался за нею, Лаял, кряхтел и скулил? Нет, и он слабоват, не годится, К тому ж колченог он слегка. Приземист и хвост больно куцый, Осанка, фигура не та... Вот волк! - Это да! Это круто! Хоть зол он подчас, но ведь зверь! Он тоже по заиньке сохнет, Быть может, он рядом теперь... И вправду, за этой вот думкой Зайку бедную серый застал, Оскалил клыки, умилился, Слегка за бока потрепал. А зайка так много косила, Так мило виляла хвостом, Но как не старалась, бедняжка, Была съедена тот же час живьем. Мораль тут проста: чтоб такое На себе испытать не пришлось, Опасайтесь крутых с голливудским оскалом Подобных волкам женихов!

Уже стою на склоне лет, Но все живу еще в местах, Купить б в пустой вагон билет И поехать просто так. Отбросив все, - печаль, обиды, Простить всех тех, кто носит злость. Закрыть глаза и раствориться В ритмичной музыке колес... И ощутить такую легкость, И обернуться лепестком. И, обласканная ветром, Уснуть беспечным, тихим сном...

Мольба

Безусловно, поэтично Воспевать свой край родной Дифирамбы петь природе, Поклоняться ей одной. Восторгаться небом ясным И зарей - началом дня, Наслаждаться, упиваться, Все приемля, все любя, Но что-то вот переменилось -Край свой вижу без прикрас, Всё я вижу в темном цвете Возмущаюсь каждый раз. Иль стара уже я стала? Край родной не ладом дышит, Понарушив все и вся. Кризис, наркоте, разрухе, Ни в чем до сути не дойти, Един ты, Бог, и всё ты видишь. Как пути к тебе найти? Огради народ от алчных Младых и старых защити, Чтоб вольно всем дышалось, Справедливость сохрани!

Святи ты нашу Землю, души наши воскреси Чтоб в стране своей - великой, Жил народ наш по-людски!

Хочу загадку загадать вам, Отгадка будет не проста, Подумайте и отгадайте, Считаю только я до ста. И так... Кто любит музыку и танцы, Кто песни звонко так поет? Кто радости вокруг всем дарит, Лучи от солнца раздает? Она на выдумку горазда, Мила, красива и умна На личико её с любовью Следы оставила весна Как выразительно читает И любит Пушкина стихи Полюбит Блока, Пастернака – Все это будет впереди. Её так любит наш котенок Не чает Шарик в ней души, Любя её, отдать ей рад он Свои собачьи харчи Её так любят папа, мама, По ней скучает дед и я... Что, угадали? Ну и кто же? Это внученька моя.

Деев Владимир Евгеньевич

Деев Владимир Евгеньевич родился 19 марта 1972 года в селе Деево Алапаевского района. Закончил 8 классов Деевской средней школы. После школы работал в совхозе «Деевский», потом в фермерском хозяйстве. Женат. Воспитывает сына. Много читает, интересуется историей и литературой. Пишет серьезные стихи на военную тему, которые собраны в сбор-

ники «Военная тетрадь-1», «Военная тетрадь-2», а также стихи, посвященные русской истории - «Помни имя своё» (о Евпатии Коловрате), баллады о гражданской войне. Написана сказка-пьеса «Пощучьему велению». Ранее нигде не печатался, пишет для себя.

Велый свет

Белый цвет с деревьев облетает, Вечного ты праздника не жди. И меня коснулось увяданье, Ждут меня холодные дожди. Ждут меня унылые бураны, Оних вспомнишь - волком запоёшь. Только мне не страшно - я упрямый, Ну насквозь промёрзну, ну и что ж. Я любовью душу отогрею, Нежностью я сердце исцелю, И стихи спою я, как сумею А, быть может, лучше сотворю. Всё уходит в этом мире прахом. Не печалься сердцем, не грусти. Мы любовь находим и теряем, Чтобы свет в душе своей спасти.

Перед рассветом

Плывут по небу облака куда-то... Тебе вот - не уйти с передовой. Ещё темно, минут пять и в атаку, Не первый, не последний лишь бы бой, Не слышно шуток, смеха, не до песен, Когда идёшь ты, может, умирать. Ты приуныл, солдат,и стал не весел, Свой дом родной опять стал вспоминать. И время будто ход остановило, Потом начнётся, но другой отсчёт: Тех, кто останется, кого смерть пощадила, И тех, кто до утра не доживёт. Ты вспомнишь дом и тех, кого оставил, Ты хочешь снять с души им тяжкии груз. Идёт письмо родным, любимой ты отправил, Которым написал ты: «Я – вернусь». Сигнал к атаке - красная ракета, Так неохото нынче умирать. Дожить бы до весны, хоть до рассвета. Всё. Мы пошли. Не время раскисать.

Притихший лес, листвой играет ветер, В полях колышится зелёная трава. И чудится мне тайна во всём этом, Я слушаю их тихие слова. Когда-нибудь я, может, разгадаю И тайну эту, может быть, пойму. Когда безмолвию внимаю, Хочу я просто слушать тишину... И с тишиной как будто исцеляет Неброская природы красота.

Душа на волю птицей улетает, Уходит пусть на время суета. Умчался ветер тихо на мгновенье. Цветок качается на ножке стебелька, А жизнь - она как ветра дуновенье, Короткая, как сон у мотылька.

POTHDIĬ

Русским солдатам посвящается Смелого пуля боится, Смелого штык не берёт. На пулемёты и мины Рота в атаку пойдёт. Ротный махнёт пистолетом, Крикнет: «Ребята, за мной!» Дружно пойдут из траншеи Люди в последний свой бой. Перед атакой с надеждой Думали: вдруг повезёт. Души солдат словно птицы В небо пошли на учёт. И не одна тогда рота Там полегла в этот бой Над похоронками ночью Ротный давился слезой. Вышел на миг из землянки И заглянул в небеса, И показалось, оттуда Смотрят ребята в глаза. Словно они понимали, Как ему там тяжело «Ротный, держись» - прошептали,-Нас не вернёшь всё равно.

Как на курорт мы попали В мир светлый, добрый, иной. Разве когда мы мечтали Выйти на вечный покой?! То отступай, то в атаку, Вечно измотан, в грязи. Кто за нас скажет, ребята: «Господи, люди, спаси?» То, что мы нынче погибли, Нет твоей тут вины. Мы б ещё тоже пожили, Не было б если войны. Сделали всё, что могли мы, Выполнив смертный приказ. Нашим родным, людям близким, Ты напиши там за нас. Молча пошлёт своей роте Низкий прощальный поклон. Ротный, из всей этой роты Выжил сегодня один. Но воскрешенная рота Снова в атаку пойдёт. Ротный лишь крикнет: «Ребята! Родина-мать нас зовёт!»

Мы вернёмся

Листья жёлтые падают, вьются, Словно пепел сдувая с души. Мы уйдём, не забудь оглянуться И судить строго нас не спеши. Дождь омоет и вылечит раны, Скажем всё, что писать не могли. Мы придём - и останемся с вами, Мы не все ещё просто пришли... Из чужого, горячего края Мы придём в наш холодный, родной. Мы живы, пока жива память, Мы вернёмся живыми домой.

* * *

Трепетанье листвы и бескрайнее синее небо.

Тихий свет. Солнце быстро идёт на закат.

В мире много есть мест, где я ещё не был,

Как мне хочется их повидать.

В получасе ходьбы лес хранит свои тайны,

Шепчут снова о чём-то еле слышно кусты.

Красоту и покой я увижу случайно

Как волшебные светлые сны.

В мире много тепла, красоты,

Только где-то суета, злые страсти- бушует война.

Но художнику, словно хранителю света,

Потаённая мудрость дана.

Ким Станислав Валентинович

Родился 11 октября 1939 г. в Ташкенте. С 1940 г. по 1946 г. жил с родителями в Кемеровской обл. В 1946 г. семья переехала на Салдинский прииск-посёлок вблизи г. Красноуральска Свердловской обл. Там окончил 10 классов и поступил в Томский политехнический институт, который закончил в 1962 г. (горный факультет, подземная разработка рудных место-

рождений). Трудовая деятельность: 1962-68 г.г. – г. Норильск, рудник «Заполярный»; 1968-1994 г.г. – г. Североуральск, шахты СУБРа (Северо-Уральского бокситового рудника), горноспасательный отряд (из них 1983-1986 г.г. - работа в Монголии на руднике по добыче флюорита); с 1995 г. по настоящее время - в ООО «Стелла-Маркет» (буровзрывные работы), где последние 10 лет - инженер по охране труда. Увлечения: советское кино, театр, музыка (играю на баяне, самоучка), поэзия, живопись, спорт.

Российские корейцы

Как давно это было, целых сто пятьдесят лет, Император России подписал нам декрет, Это был для корейцев, как свежий глоток — Наши предки попали на Дальний Восток.

Девятнадцатый век – вот начало начал, Так российский народ нас корейцев принял; Трудолюбием, верой, продолжая свой род, Этим издревле славен корейский народ.

Заселяли Приморье, Хабаровск, Амур, Став соседями местных казаков, даур, Рядом с русским народом хозяйство вели, Всем в достатке хватало добротной земли.

Век двадцатый пришёл, он принёс много бед, Череду поражений, немало побед, Это были: Цусима, Антанта, семнадцатый год! Распрямил свои плечи советский народ.

Пятилетки, колхозы, Донбасс, Днепрогэс, И корейцы попали под сталинский «пресс», Но не смог он сломать человеческих уз, Всё равно мы как братья — Советский Союз.

Тут фашизм налетел, показал свою прыть, Захотел нас с землёю сравнять и зарыть, Но пред ним оказался союз-исполин, Все народы пошли на врага, как один.

Кто в тылу, кто на фронте Победу ковал, Кто фашиста разил, а кто плавил металл, Мы достойный урок преподали врагу, Как, когда-то, разбив, Золотую Орду...

Нас Россия взрастила, поставив в свой ряд, Мы трудились на совесть, а не для наград, Инженер и колхозник, столяр и юрист, Есть кореец — учёный, спортсмен и артист...

Все прошедшие сто пятьдесят лет, Мы в России живём и даём ей завет: Пока сердце стучит, пока жив человек, Я – российский кореец и с нею навек! Что к России любовь, как река-глубока, Мы - корейцы России, мы с ней на века!

2014 г.

Памяти невинных жертв сталинского террора, посвящается!

Я к Вам обращаюсь, Вы – наши предки! За что же погибли? – неведомо Вам... Бывало в истории нашей нередко, Когда расправлялся с Иваном Иван ?!

С Иванами вместе попали и Кимы, Хегаи и Хваны, Кан, Паки и Ли,... Они себе сами копали могилы Вдали от родимой корейской земли.

Их тысячи в страшное время пропало, Так вождь приказал, и никто не считал; «Народных врагов» всё-то было им мало, Пока сам Лаврентий туда не попал!...

Секретно невинных людей закопали, Такая им выпала, видно, судьба, Но всё-таки их имена мы узнали, И в память потомкам они — навсегда!

2014 г.

На Приполярном Урале

Стоят здесь высокие горы, - там зелень хвои и снега, Сверкают красиво на солнце, как выпали словно вчера. Задумчиво синее небо, вот след самолёт начертил, Как будто картину сам Рерих в своей мастерской сотворил. А вечером небо другое, без звёздочки нет и клочка, И глядя на эту картину, ты думаешь – Мир без конца?! Блестят мириадами точек, как выпал серебряный дождь, Все маленькие – это солдаты, а самая крупная – вождь. У звёзд есть, наверно, планеты и там – «планетяне» живут? А глядя на Землю оттуда, ответа такого же ждут? И этих планет – триллионы, поди-ка их все сосчитай, Там жителей может побольше, чем Индия или Китай. Здесь, глядя в просторы Вселенной, подумаешь так, про себя: Что значит в вселенском масштабе отдельная личность твоя? Ты – просто песчинка в пустыне, да нет, ещё меньше того, Но чувствуешь, мыслишь и любишь, - нам это природой дано! А вдруг не природой, а Богом, который весь Мир сотворил?! Но Бога же нет и в помине, и кто ж это так говорил? А как появились на свете: все звёзды,... Земля, Человек? Кто сделал, когда это было, и сколько продлится их век? Всё спуталось: знанья, законы, что в школе учили давно, И нету в сознаньи покоя: где ж Истина Мира сего? Не знаю такого ответа, и с этим никто не знаком, Не то, что бывало всё знали: ЦК, профсоюз и партком. А мысли назад возвратились, на грешную землю опять, Так, глядя в бескрайнее небо, могу бесконечно стоять. Здесь климат, природа суровы и всё же красиво всегда, Охота когда-нибудь снова на день возвратиться сюда...

п. Саранпауль, ХМАО, март, 2003 г.

Спросите их, пока они живут...

(совет всем детям и внукам)

Мы в юности не думаем об этом: Откуда наши предки, почему? Задал вопрос я классику – поэту, Такой ответ неведом и ему...

Разобраться если откровенно, Наша жизнь не длинная совсем, Как поётся в песне «всё мгновенно» И уходим в вечность насовсем.

Детство пролетает незаметно, Юность и того ещё быстрей, В зрелости же думаем предметно, Тут уж всё становится ясней.

Кто ты и зачем на этом свете, Почему родился, как прожил, Не печалься, что не стал поэтом, Главное, что б Человеком был.

Кто же мои прадед и прабабка, Где трудились, умерли когда? Записать бы надо, по-порядку, И оставить внукам навсегда. Тут бы и узнать про наши корни, Да поздно уж – родителей нет тут, Чтоб не было таких вопросов спорных, Спросите их, пока они живут...

2014 г.

Тен Эдуард Игоревич

Родился в 1985 г. в городе Ташкент. Школу закончил в городе Екатеринбурге, затем поступил в Уральскую государственную юридическую академию (УрГЮА). Стихи начал писать еще в школе, на написание первых строк меня вдохновила как наверно и многих первая любовь, а точнее влюбленность которую я в силу юного возраста считал любовью.

Творческие процессы вообще привлекали меня с детства так как я был окружен творческими личностями. Всегда любил и люблю музыку, особенно джаз, для меня эта музыка была волшебной и я часто находил в ней свое вдохновение.

К Ангелу

Бегут снова дни, летит вновь время Одно лишь остается неизменным, Моя тоска лишь по тебе Как в том холодном январе. Так много вопросов осталось еще О чувствах, о дружбе забытой давно Когда то близки мы были друг другу, Но все изменилось и нет больше чуда Молчит телефон и сердце молчит, Но как подскажи тебя мне забыть И дело не в чувствах которых уж нет, Все дело в душе мой ангел мой свет Нет ревности больше, уже мне не снишься Наверно так лучше решил так Всевышний,

Помог он стереть, что было здесь лишним Помог осознать и просто услышать Услышать мой разум, найти новый смысл В забытой истории стать снова ближе, Ближе не телом, а ближе душой Ведь ты же мой ангел, что послан судьбой! И пусть не близки, мы рядом не будем, Но ты для меня всегда будешь чудом, Что дарит надежду и веру в любовь Мой ангел от бога пришедший из снов Мой "лучик надежды" на лучшие дни Спасибо за строки они лишь твои!

Крылья ангела

Спрятав все страхи ты снова влюбилась, Спрятав все страхи ты снова «открылась», Ты вновь растворилась в любви без остатка И жизнь казалась счастливой и «сладкой».

А жизнь казалась счастливой и «сладкой» Дни проводила она только с ним «Дышала любовью» и мигом одним, Казалось ей просто, что вот она сказка, Теперь всё за правду, исчезли же маски! Ну как же ошиблась вновь душу открыв, Искала в толпе она свою жизнь Когда показалось ей будто нашла, Опять обманули, разбилась душа! Готова была бежать на край света Забыла про разум, лишь слушая сердце, Она побежала по старым следам Она побежала к «высоким волнам». Она позабыла про раны и гордость, Она позабыла про слезы и холод, Она позабыла, что было вчера,

Как капали слезы и ныла душа. Её захватили любовные страсти И вот показалось, что выпали масти, Теперь ей казалось не будет как прежде, Теперь ей казалось, что счастливы вместе. Судьба же решила, что счастью не быть, Закрыла вновь двери позволив забыть, Что может любить, красотки душа, Что может красотка, быть не одна. Разбилась мечта о яркой любви, Теперь не друг с другом, теперь вновь одни, А все эти чувства всего лишь игра, С щеки на пол падает чья то слеза. Она так устала от этой любви, И нет больше чувств, остались следы, Разбитое сердце и слезы от боли, Она отпустила навеки с любовью...

История души

Вот так вот молча, тихой ночью Когда тоска заполнит время осторожно, Я просто сяду вновь за стол И напишу о чем молчал же день за днём. Стакан наполнен снова виски, И я как будто бы записки, Пишу тем теплым, летним днём, О том,как счастлив, как влюблен. Как будто время вновь застыло И каждый взгляд, что к сердцу обращен, Напоминает мне о милой, Да я мальчишка, да влюблен. Так беззаботно, бескорыстно полюбили, А целый мир казался «ярким сном» И в тот момент с тобой так счастливы мы были,

Мы будто странники «обредшие свой дом». Мы дорожили чувствами, друг другом, А каждый новый день напоминал, лишь об одном, Что как бы далеко я от тебя бы не был, В душе и в сердце мы вдвоем! Я отдавал всё, без остатка И просто верил в этот сон, Я был подростком для которого вдруг сказка, Вот так вот просто превратилась в «том». В один из многих, что подарен будет Богом, В один из многих, что подарит мне судьба, В один из многих под названием «С любовью», Что сохраниться в сердце навсегда! Вот так вот молча, тихой ночью В одну из тех, что вновь не спиться до утра, Я вдруг решусь поведать «парой строчек», О чувствах в сердце, что хранятся там «века...

Портрет

Листая альбом увидел я фото «Художник» творил как будто с портрета, Решил написать эти строки и я Пока есть запал, а «в сердце весна» Строки ложатся на эти листы, Пара минут и будут стихи, Что написал опять для тебя В позднюю ночь, что снова без сна Ты знаешь зачем тут слова! Строки вот эти и просто душа Тебе вновь ответят на массу вопросов Порой что терзают тебя зимней ночью Читая сейчас эти строки Держа в руках лишь чашечку кофе, Ты вновь улыбнешься и скажешь шутя

Спасибо за строки! они для меня? Тебе же отвечу, они от меня Здесь каждое слово «частица» твоя Такая же добрая, такая же светлая Как «муза от Бога» миру сошедшая Опять засмущавшись ответишь тогда Все это не правда а я это я, Тогда промолчу лишь просто в ответ Зачем говорить! вот строки и свет, Что даришь ты миру лишь раз улыбнувшись Ведь ты настоящая, а эти все чувства Всего то увидеть, либо почувствовать Забыв про заботы и разные глупости С тобою дружить с тобою общаться И видеть улыбку, тобой восхищаться Вот это заметить сумел в тебе я, Лови снова строки они для тебя!

Странники

Не могу дышать, не могу кричать, нет больше слов, Не могу молчать, не могу играть лишь время снов, Меня вновь к жизни молча возвращает, Когда проснувшись сердце темной ночь понимает, Что мы лишь странники идущие на свет, Что мы все грешные, не ангелы мы нет И все ответы, чувства и слова, Нам помогают вдруг вновь обрести себя. Мы все идем, мы просто что то ищем, И все пути нам расписал уже Всевышний, Он расчертил для каждого дорогу И что нас ждёт известно только Богу. Мы проживем быть может сотню лет И не найдем быть может тот ответ, Но то что будет в сердце на века

Мечта та самая, у каждого своя! Пусть выше неба будут облака, Пусть выше звезд горит одна звезд, Но свет мечты всегда лишь согревает, Любовь же знаю точно вдохновляет. И все мы странники я знаю это точно Все мы пройдем ещё с десяток пыльных миль, В пути мы вдруг познаем тепло солнца, Понять сумеем, что мы не одни. Мы вновь поверим в искренние чувства, Мы вновь расправив крылья полетим, Нам в миг опять захочется безумства, Безумства чувств в момент когда мы видим сны. Не могу дышать, не могу кричать, нет больше слов, Не могу молчать, не могу играть лишь время снов, Меня вновь к жизни молча возвращает, Когда проснувшись сердце темной ночь понимает, Что надо жить, любить и от любви летать, Ведь мы не в силах время замедлять, Ведь наша жизнь словно яркая звезда, Лишь загорелась в миг и вдруг погасла навсегда!

Художник

Любил больше жизни, он ею дышал Она была музой, он ей посвящал, Поэмы и строки про жизнь и любовь, Дарил своё сердце и ночи без снов. Она была музой, она была жизнью, Она была солнцем в прохладные ливни, Он в ней растворялся подобно туману, Она была «морем», он был «океаном». Держа её за руку, он снова летал, Держа её за руку, он снова дышал,

Но мир вдруг окрасился в темные краски, Покинула муза, ангел прекрасный. Вот так очень просто она с ним играла, Разбила в раз сердце и сердца не стало! Остались осколки в невинной душе И нет больше веры в любовь в сентябре. Остались лишь грозы и сильные ливни, Влюбленность вся вдруг стала ошибка! Дарившая крылья, их в миг забрала, Завяла та «роза» весной что цвела! Теперь вот «художник» остался один Без музы и веры в прекрасные дни, Теперь он молчит и жить продолжает, А вместо всех слов лишь «строки витают». Вот снова сентябрь и снова дожди В руках карандаш и лампа горит, Вот строчку за строчкой выводит рука, Цените друг друга ведь жизнь одна!

Грустные ноты

Тоска в душе заставляет писать, О чувствах, о боли, о музе опять, О том что любовь не проходит бесследно, О том что есть грусть, порой что полезна! Душевная грусть меня вдохновляет! Отвлечься от жизни меня заставляет И то что казалось мне целой вселенной Разрушилось вдруг, вот так откровенно. Грустные ноты и дождь за окном, Как будто сейчас мы снова вдвоем, Вдвоем в этом мире,мы снова одни И нет ничего есть только лишь МЫ! Есть снова «музыка» и чашечка кофе,

Мы снова «откинули» наши заботы, Есть снова чувства как в день той самой встречи, Что жизнь изменила знаю навечно! Меня вдохновляет только лишь грусть, Того что с нами было уже не вернуть, Мы рядом друг с другом, но души то врозь! Такая вот штука эта ЛЮБОВЬ!

Вдохновение

Писал о многом до тебя Любовь, разлука и «игра» О том что жизнь не справедлива, Когда любимых разделила Я вдохновляюсь от любви, От звуков музыки в тиши От света звезд и от прекрасных, Вещей на свете много разных. Но вот увидел вдруг тебя Сначала думал, что сплю я Подобно музе так красива Столь романтична, так «игрива» Подобна солнцу в день морозный, Подобна смеху в день столь грустный, Таких не видел прежде я, Лишь только в снах что до утра! И вот цветенье алых роз Что нужно видеть так без слов И все в живую наблюдать Чтоб окрылившись полетать Цветенье алой яркой розы «Пушистой», теплой, одинокой, Красоты эти ерунда

Ведь есть на свете ты одна Прекрасных глазок теплота О так прелестна! О звезда! Тебя вновь в строках восхваляю Тебе посланье отправляю. Блистаешь светом ты одна Принцесса, хрупкая душа!

Ты мод

Нас разлучали океаны и пути нас разлучало снова солнце и дожди но что нам время и дороги ведь ты мне послана от Бога Ты ангел мой, моя судьба две половины ты и я с тобой мы целое одно на небесах так решено Ты часть души моей родная тебя люблю и уважаю хочу я быть с тобой всегда секунду, месяц, год, века С тобой делить свои успехи минуты радости и вместе, пройти с начала до конца наш общий путь моя душа Хочу проснувшись ночью поздно обнять как милого ребенка вновь осознать что жизнь моя мне без тебя и не нужна Хочу тонуть в очах твоих прекрасных Хочу чтоб жизнь стала сказкой ведь ты мой ангел ты судьба

мой каждый вздох он для тебя Клянусь пред Богом уважать любить всегда и баловать пока я жив и бьется сердце моею будешь ты принцессой Спасибо Богу за тебя за то что ты моя судьба.

Вабытая любовь

Мы все торопимся, снова бежим Мы вдруг забываем о нашей любви, Мы вдруг забываем, что есть друг у друга! Мы вдруг забываем, что в жизни есть чудо. Наш мир в миг окрасился в серые краски, Мы все вдруг спрятались в хмурые маски, Мы все вдруг забыли про наши улыбки, А души вдруг лопнули словно те «нитки». Всегда обижаем лишь тех кого любим! И не уделяем мы времени людям, Которые любят за то, что мы есть Они и не, знают что есть в жизни лесть! Такие вот люди подарок нам свыше, Услышал молитвы все наши Всевышний Он нам даровал вторых половинок Он нам даровал от сердца крупинку! За тем чтобы помнили жизнь лишь одна, Другой нет не будет уже никогда! Любимы и любим один только раз Цените вы время, живем ведь лишь раз!

Книга чувств

В разлуке день подобен году И шаг за шагом понемногу На встречу будем мы идти, Нас разлучает ночь, огни Порой обняв лишь человека Ты понимаешь что планета Огромным миром не была, А весь твой мир она одна! Та для которой ты дышал Обняв тепло ты не играл, Ни слова лжи, ни слова лести Спасибо Богу что мы вместе! Мы знаем оба жизнь не сказка, Но верим в чудо не напрасно Ведь дал мне Бог сказав Она Твой ангел света и добра Люби ее подобно жизни Дели все тяготы и «мысли», О том что только ты одна Подаришь сына для меня! Другой такой на свете нет Однажды встретив с ней рассвет Ты понял четко на века Какой же скучной жизнь была! Теперь на два все разделилось И светом ярким озарилась, Вдруг разделилась жизнь на два На черно-белое, в цветах Не нужно слез чужих, не надо Сердец разбитых их не мало! Все было в прошлом, до тебя Теперь мой ангел ты одна

Одна мне душу согреваешь Любовью сердце наполняешь, Скажу два слова Ты Моя Мы будем вместе навсегда Один мы путь с тобой пройдем Подобно сказке, будто сон, Проснувшись книгу прочитаем И на яву вне всяких правил Вот здесь вот молча не спеша Допишим книгу «Ты моя».

Хан Александр Евгеньевич

Родился 8 сентября 1962 г.Все жизненные вехи связаны с родным городом — Свердловском — Екатеринбургом. Выпускник физико-математической школы неожиданно для родственников поступает на филологический факультет УрГУ. С 1984 по 1990 г. Александр активно пишет в разных жанрах, рисунки и картины популярны среди знакомых, букваль-

но «разлетаются» по частным коллекциям. В конце 80-х Александр Хан — участник выставок художников-авангардистов. Самая нашумевшая — выставка в ДК автомобилистов (ныне в этом здании находится храм). В 2009 году, после 20 летнего перерыва, А. Хан снова взялся за кисть и перо. Результат — стихи, роман, картины, написанные маслом, огромный цикл графических работ. Творческая манера меняется, искусствоведы видят в его работах и экспрессионизм, и импрессионизм, и примитивизм. Картины художника снова расходятся по частным коллекциям, а в мае 2012 года с успехом проходит его выставка «Другие берега» в галерее «Урал-постер».

Далеко, где...

далеко, где
(отсюда совсем не видать)
в океан упираются скалы,
и прибой разлетается в водную пыль...
где от солнца, от моря, от ветра — устал ты,
и глаза, чуть сожмурив, прикрыв...

...вдруг увидишь февраль, снега толстый покров, лед, сугробы, внезапную вьюгу, холод, солнце, сквозь толщу слоев облаков, дым, летящий, наверное, к югу...

ты увидишь усталость измученных лиц... не согреет уже алкоголь... ты бредешь бесконечно сквозь пургу без границ, коченеешь и чувствуешь боль...

тебе хочется просто дойти... хоть куда - лишь бы было тепло! ...вдруг проснешься в поту от жужжания мух: пора в тень как бы не напекло!

Из тихого убранства дней

из тихого убранства дней, из ветхих слов, в которых смысла нет, из шепота внезапного в ночи, из света, из несбыточных надежд, из хрипов ночи и предутреннего сна,

из хрипов ночи и предутреннего сна, из мглы, которая глотает все вокруг, из сумрака упавшего на землю снега, из грязного кривого льда, из снега, запрессованного в камень, из тяжести бескрайнего мороза, из ветра, разрывающего горло, из звезд, катящихся в беспечности по небу, из дыма черных облаков, из осени, которая становится зимой, которая идет и забывает,

в весну... ноябрь, декабрь, январь, февраль и снова:

что следует наверно превратиться

ноябрь, декабрь, январь – круг изо льда и мрака...

. . .

из тьмы, разбавленной как светляками, туманными и мертвыми огнями - вдруг как чудо появится несмелый, но жаркий, нестерпимый, хилый - и все-таки – Огонь...

Гори оно огнем!

Каждую ночь

Каждую ночь
На границе яви,
Лишь только прикрыв глаза,
Я вижу сны с волнующимися полями
В жаре, в мареве, в конце августа.

Это пшеница.

А может быть рожь, Какие-то злаки, что, впрочем, неважно совсем. Я возвращаюсь, Не знаю откуда... Боже! Как жарко! Безделье... Свободен. Не занят ничем.

Ни мысли, Ни звука, гудение пчёл или ос. Иду вдоль бескрайнего поля. Тихонько пою – лишь мотивчик без слов. Дышу и живу. Остальное? – Пустое!

Картошка и грибы

Картошка, и грибы, и хлеб, и огурцы, и перец с помидором... 100 грамм (понятно всем!) в обед - и рановато, да и нездорово!

Но иногда - в сентябрь и в дождь без рюмки жидкости прозрачной не проживёшь... и пропадешь из жизни краткой и невзрачной...

Кто не может...

кто не может; кто бросил бороться против жгучих поводьев судьбы; кто, проснувшись однажды в истерике ночи, понял: «Кончено, надо смириться»; кто впал в страх, отчаянье, горечь от прошедшей напрасно судьбы; кто в разломе: не здесь и не там, посреди и в паденьи; кому воздуха нет и не будет уже; кто кричит по ночам; кому рано до Смерти, но и жить не особенно ясно зачем; кто уперся в тупик

и в других коридорах снова видит одни тупики; кто проспал свою жизнь - всем скажу: «Не печальтесь, жизнь пройдёт лишь с последним вдохом-выдохом. так суждено. и не нам рассуждать справедливо ли жизнь прожита»

Дожди

Дожди...
Меня дождись!
Я в дальнем странствии сейчас.
И если можно – вдруг приснись!

Хотя б на миг...
Я помню нас
на пляжах солнечных.
Шло лето,
стояла дикая жара...
Всё это
я люблю
с усмешкой легкой вспоминать.

Дожди.
Без солнца дни.
Усохшие листы
валяются в канаве.
И мы одни
прозрачно-неподвижны,
как мотыльки
в застывшей лаве.

Май

Май ближе к лету.
Ночи всё короче.
Теплее (даже жарко днем),
Хоть чувствуешь внезапный

из окон лёд ветров. Однако же весна тихонько переходит в лето. На улицу выходишь одетый плотно, кутаясь как в зиму, потеешь, паришься... Но боязливо снять лишнее с себя! Хотя и в шортах и в сандалиях народ. ...Вдруг резанёт холодный ветер, гроза, град с ливнем, лопаются ветки и с хрустом валятся под ноги в ручьи, что вдруг текут и так же исчезают вместе с внезапным окончанием грозы. Да – это май: последний месяц перед тем, как прыгнуть

в удушливое, сладостное лето.

На блюде. полном...

На блюде, полном от черешни, На небе, полном от Луны, На водах, простодушно вешних, Катящих радужные сны.

Твои желанья легкой прытью Умчатся тройкою коней, А ты лежишь, дождем укрытый В повозке из ночных огней.

Ночь. И миллионы звёзд...

Ночь. И миллионы звезд мерцают надо мной. На небе нет луны. И лишь туман сырой Клубится над землей, плывет и рвется в клочья. И мне никак не спится этой ночью.

Хоть я устал. Продрог, давно пора домой. Но я сижу, молчу, мечтаю. И звезды надо мной. Они стоят, мигают и одновременно летят. Бросаются, и гаснут, и блестят.

Был дождь недавно. Парк пустой. Все убежали, все пусты скамейки. Шуршит листва, покрытая водой, Был теплый дождь из крупной лейки

Пар растворится, звуки оживут Парк наводнится пестрою толпою Лишь я уйду, и не останусь тут. Пойду домой. печаль свою закрою.

План действий был такой

План действий был такой, Развернуться под дугой, Пробежать по лугу, По большому кругу.

> Но не просто так, А совсем никак. И не знать откуда Умершего друга

Профиль загорелый Явится несмело. Ночью серебристой На луне волнистой

Промелькнет комета, Звездная ракета. Путник запоздалый Голову устало

Запрокинет в небо. В сетке булка хлеба, Колбасы кружочек Для любимых дочек.

Будет любоваться, Странно волноваться. И уйдет понуро Озаботясь хмуро:

Что проходит время, Что ржавеет стремя, Что был лес прозрачный, А теперь невзрачный,

> Что виски седеют, Что глаза не смеют Гладить молодых, Девочек гнедых.

Шкиндер Виталий Иванович

Родился 24.03.1941 на ст. Бисер Пермского края. Тяжелое послевоенное детство, школа, завод, Пермский государственный университет, работа в педагогическом институте, аспирантура в Москве, заведование кафедрой.С 1995 года в Екатеринбурге. Доцент УГПУ, УГТУ-УПИ, РГППУ, с 2008 года доцент кафедры социальной работы Уральской государственной медицинской академии.Участ-

ник Поэтических Марафонов 2007, 2008 гг. Автор поэтической книги «Вера, Надежда, Любовь» (Екатеринбург, 2006 г.) Подборки стихов публиковались в альманахах: Поэтический марафон-2007, Поэтический марафон-2008, Поэтический марафон-2009, а также в трех поэтических сборниках, изданных Уральской государственной медицинской кадемией в 2009, 2010 и 2012 гг.

Я – не поэт, я просто очевидец
Страны, скользящей в тихий декаданс.
Я не пророк, и даже не провидец –
Тростник, звучащий с миром в резонанс.
В созвучье смысл, все остальное – частность.
В сознанье истина, а горе от ума.
И мой удел – не слава, а причастность,
Причастие и странника сума.

Родина моя Велоруссия

Спойте мне «Песняры» эту песню! В ней славянская светлая грусть. С песней той в моем сердце воскреснет. Моя Родина – Белая Русь. Белый аист летит над Полесьем. Словно память моя, исподволь, Возникает в мелодии песни Белоруссия – радость и боль. Позабыли мы в спорах неправых, В новой смуте и призрачной мгле, Сколько вражеских полчищ кровавых По твоей прокатилось земле. Все стерпела – пожары и муки. Осенив свое сердце крестом, Меч брала в свои крепкие руки, Чтобы стать для России щитом. Нет родней Белоруссии милой! Край озер и сосновых лесов. Край, где прадедов наших могилы, Край, где Родина наших отцов. Нет покоя от Памяти Вечной Белый аист зовет тебя в путь. Не от этой ли грусти сердечной Ночью глаз ты не можешь сомкнуть. Что ж, сестричка, себя не обманешь Я признаться тебе не боюсь. И меня также манит и тянет Моя милая Белая Русь! Спойте мне «Песняры» эту песню! В ней славянская светлая грусть. С песней той в моем сердце воскреснет. Моя Родина – Белая Русь.

Цыганские напевы

Вот, и гром ударил первый. Слышишь ты его раскаты? Подтяну я струны-нервы И сыграю Сарасате. Это пытка - канифолью Мять смычок для разогрева! Напою тоской и болью Из цыганского напева. Вздрогнув, музыка ужалит – Ливень звуков за мгновенье. Ах, как струны твои ждали. Моего прикосновенья! Апокалипсис – картина! Будто мчусь к своим истокам, Будто рухнула плотина -Все потоком, все потопом. Скрипка плачет и смеется От такого хулиганства. Твое сердце птицей бьется В такт тоске моей цыганской. Станет музыка пророком, Пока боль свою врачую. Почему я одиноко По земле твоей кочую? Потерял я в давнем, дальнем Дом родной, родную землю. Потому теперь печальный, Что чужую не приемлю. Потому напев как пламя С дикой яростью бездонной. Пахнет небом и кострами И тоской моей бездомной.

Не гони печаль и удаль, Пусть напев совсем некстати. Не гони меня, покуда Я играю Сарасате!

Озеро Бива

Дочери Татьяне посвящается

На озере Бива зимуют российские птицы. Немало в Японии теплых, обильных озер. И мне бы хотелось однажды к той стае прибиться, Чтоб слушать и слушать ее несмолкающий хор.

И мне бы хотелось прижаться к родным и забытым, К изгнанникам холода, серых российских болот, Но всё же рискую быть лютым морозом убитым, Чем биться потом об молчанье закрытых ворот.

Боюсь, улетев, уже больше вовек не вернуться И не насладиться печалями радостных встреч. Боюсь я, как узник, однажды в тревоге проснуться, Услышав за дверью чужую японскую речь.

А может, напрасны все эти сомненья и страхи? Чего мне бродяге бояться тюрьмы да сумы? Страшится ли ветер, срывая с прохожих рубахи, Когда подступает суровое время зимы?

Зачем горевать и в тревоге пустой суетиться Приходит пора о далеких подумать краях. И стать, наконец, перелетною русскою птицей, Оставив потомкам еще не испытанный страх.

Прости мою грусть – О, Страна восходящего солнца! Прости, что не смог я красоты твои повидать. Вот, если б родиться когда-нибудь снова японцем, На озере Бива я стал бы всегда зимовать.

Тайкэн

И вновь переживанье новизны, Как шум неумолкающий прибоя, Захватывает, унося с собою, В края, где жизнь похожая на сны, Рвет сети памяти, заботы и обиды. И прошлое скрывается из виду, Как холода в предчувствии весны, Теснимые горячим южным солнцем. И время стало неразлучным гидом: Вот острова, на них живут японцы. Своим невозмутимым, строгим видом, Коричневым, почти кошачьим взглядом, Они внутри себя, и все же рядом, Чужие, как лесные короли -Воспетые далеким Григом тролли. Легко ли, Сольвейг, в отстраненной этой роли Тебе на самом краешке земли? Пока еще не просит сердце бунта, И всходы новые еще не проросли. Но держат обещания Пер-Гюнта, Как тайны подсознания Дали. Проходят дни и забирают в плен Озерами, сакурой, океаном, И прошлое становится туманом – Все это называется тайкэн.

Россыпи

* * *

На улице еще совсем темно. Так что ж тебе, мой друг, не спится? Всю ночь стучится ветка за окном – Пристанище для одинокой птицы.

* * *

Как яростно буря швыряет кораблик удачи Навстречу волне! Так что же ты плачешь? Ведь слезы твои растворятся в морской глубине.

* * *

Всего лишь ниточка в ковре времен Судьба моя. Ей в летописях места не найдется. Но, сколько поколений и племен, пройдя по ней, Ее ногой нечаянно коснется!

* * *

Останови мгновенье и замри, В молитвенном восторге созерцай! Вот бабочка в сиянии зари – Твой Бог и Царь.

Мир – храм любви, Где дивный хор звучит торжественно и строго. Навстречу миру распахни глаза свои, И всюду ты увидишь Бога.

Все истина, что явлено и есть, А правда то, что с ней в итоге станет. Презренье ждет, иль по заслугам честь Или в забвенье, словно в омут канет. В век фарисейства трудно отделить Порой от добродетелей пороки. Так что ж, друзья, друг друга нам учить, Коль правду знают боги да пророки?

Паматник

Я памятник себе воздвиг, расчистив место. Такой он высоты, что Вам не описать. Главой вознесся он превыше Эвереста. Александрийский столп? – он может отдыхать. Эх, памятник ты мой! Хорош, ядреный лапоть! Чтоб вырубить его, пришлось мне попотеть. Не будут голуби мне на голову капать, Им просто до нее не долететь. Сработан из гранита – не из теста, Он будет здесь столетия стоять. Он лишь орлам годится для насеста, Других пернатых здесь не отыскать. Своим величием он восхищает многих, Гранитный великан-аристократ. И лишь следы друзей четвероногих Хранят бессмертной славы аромат.

Друзья мои! Не парьтесь в укоризне! И не примите шутки сей всерьез. Мне памятник, поставленный при жизни, Как похороны заживо в мороз — Вдруг в мир иной приотворилась дверца, Где царствует лишь траурный гранит. Всей тяжестью он давит мне на сердце И холодом мне душу леденит —

Я много лет прожил и знаю жизни цену. Дороже золота признание людей. Зачем за славою карабкаться на стену По спинам своих близких и друзей? Что толку в нимбе призрачного плена? Ведь дружбы не купить и не продать. Я каждый день к Вам выхожу на сцену, Чтоб пьесу жизни вместе доиграть. Последний акт пока еще не начат, Но взвился занавес, и манит жизнь-игра. Ждет зритель, бьют часы, и это значит – Что к Вам, друзья, на сцену мне пора. Тепло души я Вам отдам до капли, За роль свою готов я умереть – Без дружной труппы не сыграть спектакля И зрителя до слез не разогреть. Пусть мне Господь Вас сохранить поможет, Тепло улыбок, песни при луне. Ведь памятника в мире нет дороже, Чем в близких душах память обо мне! Никто нас к светлой жизни не пробудит, Никто нам не построит теплый дом. И пусть нам общим памятником будет Россия возрожденная трудом!

Все страхи, все тревоги прочь, Долой печали и сомненья! Полет, восторг — звезда и ночь — Почти неявный след паденья. Судьба и эхо наших чувств, Струной пронзившее пространство. Как странно — миг и постоянство, Итог божественных искусств. В бескрайней ночи слабый крик —

Успею ли, запечатлею ль? Полет, восторг и краткий миг. Ну что ж? Я был... и не жалею!

Август 2009.

Рсквисм

Ī

Не топчут кони шелкового луга; Лежат их кости в пропасти, на дне. И альпинисты песнь поют о друге, Как спел когда-то он о Шукшине. Мы смертны все, и наш маршрут не вечен, Кровав закат, тропа наверх крута. Зачем, Володя, тяжкий груз на плечи? Вжимает тяжесть в землю как плита. Чужую боль, а есть ли ноша больше? Взял на себя и выбился из сил. Он был России преданный издольщик, О лучшей доле Бога не просил, Лавины с гор тревожные раскаты. Смолк голос и гитарный перебор. Ах, кони-кони, вы не виноваты! Хозяин ваш вас гнал во весь опор. Скорбят о нем теперь такие храмы, Наш светлый Спас и мрачная Нотр-Дам. И на Таганке вдруг погасли рампы, Проснувшись, шепчет слава: «Аз воздам...». В какой теперь живешь ты круговерти? Для душ каких ты там поешь теперь? Щедра Россия славой после смерти, А если так, то не страшна и смерть. С кем встречи ждешь теперь на месте новом,

Мой верный брат, ваганьковский вагант? Твои могильщики уже зарыть готовы Очередной сорвавшийся талант. К дверям прибиты стертые подковы. О, вера в счастье! Пара легких крыл! Так создан мир — вначале было Слово И значит ты не зря на свете жил.

II

Хлестала песня горлом, Ручьем, рекой хлестала. Поэт держался гордо И словно с пьедестала Бросал он с эшафота В толпу слова такие!!! Зашелся в плаче кто-то: «Ох, мать моя – Россия!» Рождаются здесь с песней И с песней умирают. Здесь имена погибших Как псалмы повторяют. Ты, Русь, рожала всяких; В семье – не без урода, Но кто б плясал вприсядку Без твоего народа? Но кто бы эти песни Шальные, горловые, Где боль и удаль вместе, Придумал без России? Хрипит певец в надежде, Но как ты обвешилась! Летела тройкой прежде, Бежала, шла, тащилась... И вместе с сыновьями

Ты кровью истекала, Чтоб, возродившись в песне, Всю жизнь начать сначала. Не карлики-пигмеи В дворцовых кабинетах, Вершат судьбой твоею, Страна, твои поэты. Двадцатый век в цейтноте, И нету казней вроде. Стоит на эшафоте С гитарою Володя.

Алисва-Мясникова Амелия Такиулловна

Родилась 10 августа 1931 года в г. Свердловске в большой интернациональной семье. Мои родители привили мне любовь ко всем народам нашей прекрасной планеты, любовь к природе, культуре, искусству (театр, живопись, музыка), спорту, литературе, общественной работе, книгам, библиотеке, музеям, науке. Первая книга (Свердкнижное издательство) ловское появилась в 50-е годы. Это был коллективный детский сборник «Костра», который иллюстрировал

чудесный художник Миша Шаевич Брусиловский. Это были веселые стихи. Далее вышли в свет мои книги: «Давид Аграновский», «Ниаз Даутов», «Пушкинский вальс», «И с вами снова я...», «Дети XX века» (2003 г., 2005 г.), «Здесь музыки волшебная страна». Печаталась в общесоюзных журналах СССР, в журналах и газетах г. Свердловска – Екатеринбурга.

«И с вами снова д ...». Из воспоминаний

Не помню, когда я впервые услышала: «У лукоморья дуб зеленый;/ Златая цепь на дубе том;/ И днем и ночью кот ученый/ Все ходит по цепи кругом...»

Ясно вспоминаю лишь то, что в далеком детстве, засыпая, любила представлять себе этого веселого, доброго кота, который «идет направо песнь заводит, налево сказку говорит». Знаю точно и то, что стихи эти и имя «Пушкин» я услышала от мамы.

...Жили мы тогда в Белоруссии. Отец мой, инженер-энергетик, строил Минскую ТЭЦ. Шел 1937 год, во многом весьма тягостный. И Пушкинский день был тоже грустный.

Но все так любили Пушкина, что даже столетие со дня гибели Поэта постарались отметить тем солнечным светом, которым была озарена его Память.

Моя мама в ту пору работала в большой Республиканской библиотеке Минска. Она была заведующей детским отделом. Долгие часы я проводила у нее на работе. Фактически я выросла среди книг.

Огромные книжные полки высились надо мной как исполины от пола до потолка. Отношение к книгам у меня было трепетное (передалось от мамы). Страстной мечтой у меня было взять каждую в руки, заглянуть в них словно в некий волшебный ларец и узнать, какие сокровища там таятся. Счастьем было, когда мама давала мне книгу и можно спокойно, не торопясь листать странички, разглядывать картинки.

Была еще тайная мечта: однажды подняться по ступенькам складной лесенки, стоящей возле полок, под самый потолок и дотронуться до спинок книг стоящих на верхней полке.

Мечта эта странным образом сбылась в 1964 году, когда я врач по профессии, вдруг оказалась работником Университетской библиотеки, и там, выполняя бесконечные заявки читателей, поднималась я под самый потолок в поисках нужной книги!

«Служенье муз не терпит суеты». Это верно. Но вот суетное служение мое работника библиотечного абонемента вдруг чудесно столкнуло меня с Музой Пушкина.

Однажды, взяв с полки очередную книгу, я несколько минут пребы¬вала в шоке: на ней стоял штамп «Царскосельский Лицей»!

Думаю, мой вид в ту минуту был видом Робинзона Крузо, увидевшего вдруг неведомые следы на песке своего острова. Очнувшись, поняла - это была книга из Пушкинского Лицея! Я держала в руках книгу, которую наверняка читал ОН. Сам Пушкин!

Не помню, как я дождалась обеденного перерыва. Забыв об обеде, среди молчаливых фолиантов огромного книгохранилища, я, не смея дышать, робко листала пожелтевшие страницы драгоценных

книг.

Одна меня потрясла. Изданная где-то в середине прошлого века, среднего формата, с добротным переплетом, она ничем особым не отличалась от прочих лицейских книг.

Очень сжато рассказывала она о судьбе каждого из выпускников Царскосельского Лицея с первого выпуска до последнего (Е.А. Энгельгардт в 1843 году писал в Сибирь Пущину «Царскосельского Лицея не стало...»).

Стоит ли говорить, с каким волнением я читала эту книгу. Много любопытных сведений было сообщено о графах, баронах, князьях. Перечислялись все чины, награды за «большие заслуги перед Отечеством».

Чтобы порадовать себя, страничку с именем «Пушкин» я оставила на-последок. Открыв замерла, там стояло всего одно слово - «УМЕР»

Много позже я узнала о необыкновенных приключениях книг библиотеки Царскосельского лицея и их чудесном спасении в библиотеке Уральского Университета в годы Великой Отечественной войны от фашистского нашествия на Царское Село.

...Вернемся в 30-е годы. Приходя домой после работы, мама продолжала оставаться библиотекарем. Она готовила к Юбилею Пушкина большую выставку.

До поздней ночи все было посвящено этому важному делу. Из газет делались вырезки, мастерили цветные макеты для сказок Пушкина.

Я сидела рядом за столом и рисовала. Но любопытство не давало мне покоя. Я старалась заглянуть через мамино плечо.

Будь она человеком постарше, а не такой юной (ей было тогда 25 лет), веселой и смешливой то, конечно же, давно бы отправила меня спать. Со мной ей было веселее работать (отец был в командировке в Москве).

Иногда она не выдерживала и говорила: «Не мешай! Видишь, я должна очень аккуратно и четко написать эти большие буквы. А ты мо¬жешь нечаянно меня толкнуть». «А что тут написано?» «Слова Пушкина «Здравствуй, племя, младое, незнакомое!»

Я задумалась, потом опять: «Это кто «племя»?» «Вот эти комсомолки в алых косынках, летчики и моряки с цветами в руках. Они пришли пок-лониться Пушкину. Кстати, ты тоже племя младое, незнакомое. И больше, пожалуйста, не отвлекай меня. Рисуй!» «Что рисовать?» «Нарисуй лукоморье!»

Легко сказать. Моря я никогда не видела. Вот если дуб зеленый. Мы с мамой любили бывать в большом тенистом сквере, что рядом с библиотекой. Там под большими каштанами и вязами стоит мамина любимая скамья. Гам она любит читать. А я, взяв ведерко, собираю красивые шоколадные каштаны, которые с глухим стуком падают на землю.

Рядом стоит огромный старый дуб. Я люблю собирать желуди в зе¬леных шляпках, которые падают с дуба в траву и на желтую песчаную дорожку.

Вот этот дуб я и рисую. Рисую также маму, читающую книгу. И себя с ведерком в руках. И что-то еще навеянное Пушкиным.

...На открытие выставки я пришла не одна, а с подружками. Их у меня в Минске было две Киса Рубис (наши мамы дружили) и Тамара Монасевич (наши отцы работали вместе. Об этом говорит старая, пожелтевшая от времени фотография 1937 года: коллектив строителей Минской ТЭЦ).

Тамара пришла с мамой - Верой Давидовной. Она была страшная хо-хотушка и большая насмешница. Я на нее была сердита.

А дело было так. Мы часто смотрели у них дома на стенке в полной темноте кино. Был фильм про бедного смешного Рыцаря и его слугу Санчо. Переживая за Рыцаря, которого мучили какие-то разбойники, я с тревогой спросила (ни к кому не обращаясь в особенности):

- За что они бьют Донкого Хота?

До сих пор мне слышится тот звонкий смех Веры Давидовны, ко-торый был ответом на мой вопрос. Я очень на нее тогда обиделась.

Обида усиливалась еще и тем, что к ее смеху присоединились все присутствующие. Я так и не узнала, за что же пострадал бедный Донкий Хот. Лишь через много лет я взяла в руки книгу Сервантеса

«Дон Кихот» и получила ответ...

А юбилейные торжества прошли замечательно! Как большой ли-тературный праздник для детей. Было много выступлений. Конкурсы, викторины, загадки, стихи.

Конечно, в памяти от того дня сохранилось немного. Например, как мы торжественно поднимаемся по парадной лестнице, покрытой бархатной дорожкой. ІІ вдруг перед нами возникает большой портрет Пушкина. А рядом те красивые четкие слова, которые так старательно вечерами выводила моя мама. Вера Давидовна громко прочла их, и, как бы отвечая поэту, сказала, за всех: «Здравствуй Пушкин!»

Помню, как маленький старичок с седой бородкой обратился к моей маме: «Роза Герфановна, разрешите, Новелла прочтет стихи Пушкина!» «Что?» не поняв, переспросила мама. «Новелла - короткий рассказ!» пояснил он.

Оказалось, что Новелла это его пятилетняя внучка. И она приготовила для утренника стихи «К морю».

Стихи эти маленькая девочка, моя ровесница, прочла так хорошо, «с выражением», что все ей долго хлопали и просили повторить!

Прошло немного времени, и мы уехали в Казахстан. Там мой отец в 1938 году строил Карагандинскую ГРЭС. На смену белорусским роскошным паркам, садам и скверам пришли бескрайние ковыльные степи с тарантулами и сопки с тюльпанами.

Потом новые впечатления и новые друзья появились на Южном Ура¬ле, где отец в 1939 году строил ЧелябТЭЦ, а я пошла в первый класс.

К чему я это говорю? А к тому, что вскоре в нашей жизни появился СУГРЭС (это рядом со Свердловском) и там пришел 1941 год. Война. Фашисты варварски бомбили дорогой моему сердцу Минск.

Долгими тревожными ночами я не могла заснуть. Представлялся красавец-город, дворцы, библиотеки, скверы, мои друзья. И падающие на них бомбы...

Что стало с тем чудесным старичком и пятилетней «артисткой» Но¬веллой? А мои подружки? Такие же пятилетние девочки? Ни о ком я тогда ничего не знала.

На память о том 1937-ом годе у нас осталась книга «Пушкинский ка-лендарь» (Под редакцией С.М. Бонди, В.В. Вересаева, С.Я. Гессена, Т.В. Томашевского, М.А. Цявловского). Мама купила его, готовясь к Юбилейной выставке.

Как часто она любила листать ее страницы. Шли годы, десятилетия, а эта добротно, с любовью изданная книга, во все времена оставалась, ей другом и советчиком, она была настольной.

Полюбила эту книгу и я. Ведь в первый же день появления этой книги в нашем доме мы с мамой вместе долго листали ее страницы. Тогда впервые я услышала имена Пущина и Дельвига.

Еще узнала, какой бывает настоящая дружба. Услышала имя жены поэта Натальи Николаевны Гончаровой и узнала, какой бывает на свете настоящая Любовь и Красота.

Увидела и Лукоморье на картине Крамского. Я и сейчас беру эту книгу в руки. И открывая первую страницу, вижу Поэта. Мой самый любимый из всех его портретов кисти Тропинина.

В этом портрете мне нравится все: спокойная поза Александра Сер¬геевича и вольно откинутый ворот рубашки как бы с небрежно повязанным галстуком. Нравится, с какой уверенностью он положил руку на тетрадь с начатой рукописью, его прекрасное, вдохновенное липо.

И глаза! «Глаза непременно остановят вас: в них вы увидите лучи того огня, которым согреты его стихи - прекрасные, будто букет свежих весенних роз, звучные, полные силы и чувства», - писал современник Пушкина А.В. Никитенко.

Странная вещь человеческая память. По этой странности Царское Село ассоциируется у меня со словом «СУГРЭС». Словно какой-то лучик сначала робко, потом все ярче высвечивает: 1940-41.

Мы провели эти годы в небольшом рабочем поселке Уральских Энергетиков. (Ныне эго город Среднеуральск, а электростанция, которую тогда строил мой отец с коллегами, до сих пор дает свет и тепло Екатеринбургу).

...Зимние вечера были длинные, тягостные. И вот мама придумала - после вечернего чая мы, то есть она, тетя Тутакай, Юля и я, собираемся за круглым столом под большим зеленым абажуром и

читаем вслух книги.

Отец мой, конечно же, здесь не присутствовал. Он до ночи пропадал на стройке или же был в командировке где-то в Москве, Свердловске, Усть-Каменогорске (был назначен председателем комиссии по приемке-сдаче очередного энергообъекта).

...Золотое время моего детства, где объединились в сердце десяти¬летней девочки эти два дорогих на всю жизнь имени - «мама» и «Пуш¬кин»!

Помню, за окном непроглядная темнота, воет вьюга, в бешенстве крутя снежные вихри. А у нас тепло, уютно и нежно льется свет зеленого абажура. Можно шить, вышивать, штопать, а главное - слушать. Первые книги, которые подобрала мама, были томики Пушкина. И стихи, которые я тогда вслух - порой с пафосом, порой с грустью читала, помню до сих пор и как бы в свете зеленого абажура.

... «В те дни в таинственных долинах / Весной при кликах лебединых, / близ вод, сиявших в тишине, / являться Муза стала мне».

До сих пор помню тот детский мой восторг от восприятия этих чуд¬ных картин родной природы сквозь «магический кристалл» дивного Пуш-кинского стиха.

...Но это читала я. А вот в самый первый вечер... Он был такой неповторимый, необычный! Словно праздничный.

Мама, в своем любимом вишневом платье, объявила о начале наших литературных вечеров. Она взяла верхний в стопке томик Пушкина. Открыла его и начала читать:

> «Роняет лес багряный свой убор. Серебрит мороз увянувшее поле, Проглянет день как будто поневоле И скроется за край окружных гор».

Волшебные звуки стиха завораживали, обволакивали меня, они уно¬сили куда-то то ли в сказочный сон, то ли в таинственную явь.

Я во все глаза глядела на маму. Какая она красивая! И тоже, будто из сказки. Вольными локонами спадают на плечи роскошные каштановые волосы; яркие, сияющие как звезды, черные глаза оттеняют

нежно-фарфоровый румянец ее прелестного юного лица.

Сейчас оно такое поэтическое, одухотворенное! А голос, обычно мягкий, грудной, сейчас торжественен и как бы звенит. И я с каким-то трепетом продолжаю слушать. Эти строки, которые запомнила на всю жизнь:

«Друзья мои, прекрасен наш союз! Он как душа неразделим и вечен Неколебим, свободен и беспечен. Срастался он под сенью дружных муз. Куда бы нас ни бросила судьбина, И счастие куда б не повело. Все те же мы: нам целый мир чужбина, Отечество нам Царское Село».

Я взглянула на Юлю. Видно, что стихи ей нравятся. Но поразила меня Тутакай. Какое сосредоточенное внимание на ее лице. О чем думает сейчас эта бесконечно усталая, старая женщина с поблекшим лицом, обезображенным оспой. Вспоминает ли свои башкирские степи? Или представляет чертоги Царского села?

...Наш первый литературный вечер закончился поздно. Я долго не могла заснуть. Думала о маленьком Пушкине, о его детских друзьях-лицеистах. И все звучал мамин голос, читающий замечательные стихи.

...С тех пор лицейские друзья Пушкина стали и моими друзьями. Я доставала о них книги, где могла. Читала сама, а потом пересказывала подругам.

Иван Пущин, «Большой Жанно». Вильгельм Кюхельбекер, «Кюхля». Владимир Вольховский. Антон Дельвиг. Этими людьми мог гордиться лицей. Гордится Россия.

Заинтересовала меня необычайная судьба Федора Матюшкина. Еще бы! Я была поражена, прочитав у Пушкина о нем: «Чужих небес любовник беспокойный», «...Иль снова ты проходишь тропик знойный и вечный лед полуночных морей?»«С лицейского порога ты на корабль перешагнул шутя, и с той поры в морях твоя дорога, о

волн и бурь любимое дитя!».

Меня поразило, что этот лицеист стал мореплавателем, адмиралом. И это при том, что тяжело страдал от морской болезни. И еще он мне дорог теми несколькими строчками, которые он написал из Севастополя другу-лицеисту Михаилу Яковлеву, узнав о дуэли Пушкина с Дантесом.

«Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как ты мог это допустить?»

...В 1825 году Пушкин писал друзьям:

«Запомните поэта предсказанье, промчится год, и с вами снова $\mathfrak{n}!$ »

Промчались 200 лет со дня рождения Александра Сергеевича, а Рос¬сия с Пушкиным не расставалась и не расстанется никогда...

Рыжов Григорий Михайлович

Родился в 1945 г. в г. Свердловске.

Закончил горный институт им. В.В. Вахрушева в 1973 году. Работал на комбинате «Ураласбест» на инженерных должностях, в институте «ВНИИпроектАсбест» работал конструктором, заведующим группой в лаборатории «Разработка нового оборудования по обогащению хризотил-асбеста». Изобретатель СССР, имею восемь авторских свидетельств, 20 научных трудов.

Публиковался в газете «Асбестовский рабочий». Занимал призовые места на конкурсе рассказов. В настоящее время пенсионер, ветеран труда, член российской политической партии «Яблоко».

Миф об асбестовой кудельке

Это было давным-давно, при императоре Петре Великом. Время было суровое. Примерно шёл 1720 год. Средний седой Урал с его природной красотой и дарами, который хранит эти древние горы. Середина лета, полночь, светит луна, на небе ярко горят звёзды. Стоит дремучий лес у большого озера. На большой поляне вдоль берега озёра пасётся табун лошадей, изредка перекликаясь ржанием. Слышится крик совы в тёмном лесу, и всплески воды от рыб, которые выпрыгивают из воды, играя и сверкая серебристым блеском в лучах луны.

Недалеко от берега горит яркий костёр, горящий из сухих веток деревьев. Над костром на деревянных стойках, сделанный из толстых веток берёзы через перекладину, висел большой котёл, из которого шёл аппетитный запах наваристой ухи, рыбы, пойманной в озере. От костра шло тепло, согревая вокруг его ночные прохладные

воздушные потоки воздуха, в которых тучами летали каморы, мошки и ночные бабочки, мелькая своими крылышками.

Слегка дул уже прохладный ветерок с озера, обходя ярко горящий костёр, излучающий горячий поток тепло. Слышится на озере в камышах недалеко от берега кваканье лягушек, порой переходящий в певучий хор.

Вокруг костра сидели, удобно устроившись на брёвнах, подростки от 12 до 14 лет. Деревенские мальчишки и девчата, одетые в теплые одежды по ночной прохладе. На них были одеты тёплые вязаные кофты, катаные штаны из козьей шерсти, на ногах прочные деревенские лапти, удобные в повседневной жизни в деревне. Их в темноте и в свете костра трудно было отличить друг от друга, толи это девочка, толи мальчик. Их сидело вокруг костра пятеро юных сердец. Две девочки и три мальчика. Среди них, сидел пожилой мужчина, ещё крепкой наружности с седой бородой, попыхивая своей трубкой, из которой шёл ароматный дымок деревенского табака из самосада. Он палкой, похожей на кочергу, ворошил уголья в костре и изредка подбрасывал сухие сучья в костёр, поддерживая его пламя для обогрева котла, в котором варилась с волшебным запахом, наваристая уха.

Звали его дедом Михалем, просто дед Михаль, что значит Миха-ил. Он был пастухом деревенского стада коров, овец, и коз, а на ночь к нему приводили лошадей, путая им передние ноги, чтобы не убежали далеко. Утром снова забирали на изнурительную хозяйскую работу на селе.

Один из пятерых ребят был подросток 14-ти лет, звали его Ванятка, он у пастуха числился подпаском и получал за свою работу соответствующее вознаграждение. Хорошая помощь родителям. Это он привёл своих деревенских друзей по их просьбе сводить их в ночное, посидеть у ночного костра, попробовать настоящей наваристой ухи в ночи. Послушать легенды и мифы про седой Урал и его героев сказаний.

Слегка дул вечерний чуть прохладный ветер, разгоняя пламя костра и образуя искры. Хорошо сидеть у живого огня, ощущая его тепло, глядеть на него и мечтать и думать о своём. Ребята сидели,

грелись у костра, шутили и смеялись между собой. Дед Михаль задумчиво сидел и покуривал свою трубку. Вдруг он зашевелился, вытащил трубку изо рта, расправил свои усы, погладил бороду рукой и сказал:

- Хочу я вам, ребятки, рассказать один занимательный и весьма интереснейший случай, происшедший в нашем крае на Урале. Желание есть послушать, ребятки-козлятки?
- Дедуля! Хотим, хотим! Очень хотим послушать! Ты интересно рассказываешь, звучали звонкие голоса подростков.
- Ну, тогда слушайте в оба уха внимательно, негромко сказал дед Михаль, затянулся трубкой и начал свой рассказ.
- Мы слушаем, дедуля внимательно и с интересом, закричали ребятки все хором.
- Ну, тогда слушайте. Здесь на Урале при поддержке нашего царя-батюшки, теперь уже Императора Всея России Петра Великого владеет и руководит заводами Никита Демидов. Вызвал его Император в славный город Петербург, столицу нашего государства с отчётом о проделанной работе на заводах. Сколько пушек отлито, железа, меди и другого чего, дед Михаль замолчал, поглаживая левой рукой свою седую бороду, затянулся трубкой и продолжил своим тихим голосом.
- Ехать негоже без подарка, да такого подарка, который бы сильно удивил царя и его вельможный двор. Вот так ребята, сказал дед Михаль, глядя на костёр и поправляя в нём уголья.

Время в ночи уходило под плески волн озера и кваканья лягушек в камышах. От костра поднимался вверх лёгкий дымок с искрами и исчезал неизвестно куда. Запах костра и ухи обострял аппетит и слух у ребят, и они нетерпеливо говорили на перебой:

- Что дальше, дедуля, рассказывай.

Что ж, слушайте дальше. Никита Демидов пригласил к себе в контору заводских умельцев со всего Урала и говорит:

— Умельцы вы мои, просьба у меня к вам такая будет. Еду я к царю нашему батюшке в Петербург, а с пустыми-то руками невесть как ехать. Хотелось бы удивить царя-батюшку. Помогите, подумайте, подскажите. Как? — умоляюще проговорил Демидов, глядя на ма-

стеровых умельцев.

Наступила гробовая тишина. Через минуту начались разговоры между собой, предлагая то, предлагая сё. Шум говора нарастал и превратился в общий гул речей и слов, никому непонятный.

Никита Демидов закрыл уши руками и закричал:

– Хватит галдеть! Лучше каждый выскажете свои предложения для изготовления чуда-подарка. Понятно, мастеровые!

В конторе стало тихо. Никита спокойно сказал:

– Каждый продумайте свои предложения и в течение месяца мне предоставить и показать. Если подарок понравится Государю будет достойно вознаграждён. А теперь идите по домам и делайте, что сможете! Через месяц будьте у меня ужо в Екатеринбурге, – замолчал старый рассказчик, покуривая свою трубку.

Луна светилась на небе, звёзды ярко горели, сбиваясь в созвездия и указывая путь в бесконечные космические дали. Легкий прохладный ветерок с озера обдувал у костра ребят и деда, который, не торопясь, стал рассказывать свои былины и истории.

- Дальше, что было? с любопытством спрашивают ребята.
- А дальше что? Слушайте внимательно. Через месяц в срок приехали к Никите Демидову мастера со всего Урала со своими изготовленными изделиями. Все стали показывать своё мастерство в выполненных изделиях. Одни показывали красивые, что глаз не отвести с драгоценными камнями и бриллиантами и отличные по боевым качествам стрелковое оружие, это пистолеты, ружья и подобное. Показывали боевые сабли, у которых в рукоятке блестели и горели камни разных цветов, от которых глаза разбегались, и резало от роскоши, великолепия изделий.

Были здесь и мастера, которые принесли с собой красивые изваяния из благородных камней. Это были из камня и статуи богов и богинь греческого эпоса. Здесь демонстрировались и механические машины в уменьшенном варианте и т. д., — дед задумался и замолчал, помешивая в котле уху, от которой шёл завораживающий запах, развивая волчий аппетит у ребят.

- Деда, а что дальше было? раздались голоса ребят.
- Дальше? Слушайте. Никита Демидов был доволен, поблагода-

рил всех мастеров за их мастерски изготовленные подарки. Вдруг Никита обратился к одному из мастеров, стоящих в сторонке ото всех: «Ну, а ты Фома, жмёшься, стоишь в сторонке, али показать, похвастаться тебе нечем». Фома пожал плечами и пошёл к Никите с вещевым мешком на плече. Снял мешок со своего плеча, развязал и достал оттуда аккуратно сложенную скатерть-самобранку. Расправил её, а на ней вышит был рисунок эпизод из сказки, где Иванушка поймал жар-птицу за перья хвоста. Красота неописуемая. Все мастера, так и ахнули. Никита сказал: «Красиво, но, что я скажу Государю. Чем удивлю?», – дед опять замолчал, покуривая свою трубку.

Посыпались к деду Михаль вопросы со всех сторон звонкими голосами ребят:

- Как интересно! А, что дальше?
- Дальше? переспросил дед и стал рассказывать, Фома подошёл ближе к Никите, показал ему пальцем, чтобы тот нагнул голову, и на ухо сказал: «Эта красивая скатерть не горит в огне. Если бросить её в огонь с разлитым вином, то вино сгорит, а скатерть станет ещё краше. Соткана она из горной кудельки. Есть у нас такое место. Никому ничего не говори. Держи сюрпризом для Петра Алексеича. Вот так». Никита Демидов промолвил тихо: «Поверим на слово. А не то смотри у меня». Через три дня Никита Демидов со своим обозом, свитой и конным отрядом казаков для охраны от лихих людей, поехал в Санк-Петербург через Москву. Дорога предстояла дальняя через дремучие леса, болота, переправлялись через реки. Доехали до Москвы белокаменной, добирались несколько дней. Посмотрели Москву, полюбовались её Кремлём и через два дня отправились дальше в Петербург.

Где-то в темноте воют волки в ночи, перекликаясь друг с другом и наводя страх на ребят. Филин издаёт свой боевой клич, на озере плещется небольшая волна от ветра в тон пению лягушек. Жутковато сидеть у костра, когда за спиной сплошная мгла, кажется, что нечистый стоит за спиной и хочет сделать, что-то страшное. Аж, жуть!

- А, что дальше стало? спросил его пастушок Ванятка.
- Наконец, свита с обозом благополучно добралась до северной столицы всей империи России Санк-Петербург. Едут по городу и

любуются его красотой, выполненной в стиле западной архитектуры. Каждая улица парадная, мосты через реку Неву с их скульптурами выглядят сказочными героями, что ни здание, то шедевр. При строительстве города много погибло людей, ведь дома и дворцы возводились на болотах, в трудных и тяжёлых условиях, — дед Михаль замолчал, попыхивая своей трубкой, — подъехали ко дворцу, где жил Пётр Великий и проводил ассамблеи со своим окружением. Попросту проводили бал с танцами, кавалеры с дамами и гуляние с питиём вина и водки. Иногда эти ассамблеи продолжались несколько дней до упаду.

- Интересно побывать в таком красивом городе, столице России,
 кто-то из ребят сказал.
- Да, это один из красивейших городов России и даже Европы. Был уже вечер около семи часов. Однако о приезде Никиты Демидова доложили Государю. Он обрадовался и сказал: «Немедленно впустить Никиту Демидова, и пусть удивит ассамблею своими чудными поделками». Никита предстал перед Государем, поклонился в ноги и сказал: «Я приветствую тебя Государь всея Руси и всё ассамблею и преподношу тебе чудные поделки уральских мастеров». Пётр был прост в обращении, подошёл к Никите. Обнял и расцеловал по-русски три раза и сказал: «Будя тебе расшаркиваться, давай-ка выпьем за встречу, да с дороги и с устатку». Пётр сам налил бокалы вина. Выпили, закусили под аплодисменты ассамблеи. Государь промолвил: «А теперь, показывай, Никита, свои чудеса с Урала». Никита Демидов махнул рукой и сказал своему человеку: «Показывай поделки Государю». К Государю подходили мастера, представляли и приводили в действие механизм изделий, удивляя всех присутствующих окружения Петра. Всем понравились чудные изделия, оружия, статуи и каменные вазы и цветы. Петр Великий радовался и восхищался увиденным. При этом он воскликнул: «Есть у нас в России тульские умельцы, известные своими поделками на всю Европу. И на Урале умельцев не меньше, они ещё больше прославят Матушку-Русь. Виват Россия!». Уже все изделия показали Петру и ассамблеи, он хотел всех пригласить к столу и поднять тост за уральских мастеров, как Никита Демидов сказал: «Есть ещё один сюрприз для

тебя, царь-батюшка». «Показывай свой сюрприз, не таи его». Никита вытащил из сумки свёрток, развернул его, и перед глазами у всех появилась чудесная картина «Иванушка и жар птица». Картина яркая и сочная, как жи¬вые персонажи из сказки». Петр Алексеевич восхищённо произнёс: «Чудная скатерть-самобранка, словно живые персонажи из сказки! Ей самое место на праздничном столе. Никита, постели её на стол и накройте на ней яства и вино».

Вскоре скатерть была постелена на царском столе и на ней стояли бутылки вина и вкусные закуски, от которых у Никиты кружилась голова. Государь скомандовал, чтобы налили бокалы вина: «Выпьем за уральских мастеров и за эту скатерть-самобранку». Поднял бокал и вдруг спросил с юмором: «А где же сюрприз с этой вещичкой». Никита Демидов, как бы нечаянно, неловко опрокинул бокал вина и бутылку на скатерть. Скатерть была вся залита вином. Пётр Алексеевич кинулся поднимать бокал и бутылку из-под вина, но было уже поздно, вино впитывалось в скатерть. Он огорчённо произнёс: «Никита, какой ты не ловкий! Что же ты наделал? Испортил такую скатерть-самобранку». Никита посмотрел лукаво на Государя и сказал: «Пётр Алексеевич, не печальтесь. Это и есть сюрприз со скатертью». Никита Демидов взял скатерть за один конец и стащил её со стола вместе с содержимым на столе, подошёл к камину и бросил её в огонь. Вся ассамблея ахнула и сильно удивилась, что скатерть бросили в огонь. Пётр воскликнул: «Никита! Что ты делаешь? Скатерть сгорит в огне». Никита ответил: «Не беспокойся, Государь, в этом и есть сюрприз. Скатерть не горит». Было хорошо видно, как воспламенилось вино на скатерти. Через три минуты Никита вытащил скатерть из огня, встряхнул её от пепла и показал всем чистую скатерть с рисунком, который ещё краше стал. Она была, как новая. Скатерть снова легла на своё место, на столе и на неё накрыли заморские вина в бутылках и разные кушанья. Всё свидетели этого чуда были поражены и раскрыли рот от удивления. Государь удивлённо высказал: «Это, что за диво! Почему скатерть-самобранка не горит. Из какого волшебного материала сделана. Рассказывай, Никита!» Демидов мялся, мялся, как бы не договаривает свой секрет, а Пётр спрашивает его с усмешкой: «Что, Никита, не раскрываешь

секрет скатерти, а ли не знаешь сам того, так и скажи». Он и отвечает: «Всё просто, как и всё великое. Имеется у нас на Урале место в горах, где залегает в породе горная куделька в виде волокон, когда её ссучишь, она становится наподобие шерсти с овцы. Из этой горной шерсти можно ткать, что угодно, скатерти, рубаху, штаны, рукавицы, носки, прокладки разные и так далее. Они не горят и не проводят тепло». Государь слушал Никиту и поражался, потом сказал: «А ведь это ценный материал для пошива костюмов для пожарников, он их защитит от огня и поможет спасти тысячей жизней при тушении пожара. Защита паровых котлов от нагрева огня и тому подобное. Этому материалу нет цены. Никита, пусть инженеры на Урале изучат эту горную кудельку, её структуру и из каких минералов и элементов она состоит. Обозначить его применения в промышленных масштабах и начать разработку этого месторождения. Никита, это тебе важное задание. Издадим указ на разработку горной кудельки».

- Что дальше было? кто-то спросил из ребят.
- По Указу Петра Великого приехали инженеры и учёные люди, изучили горную кудельку и стали добывать её для промышленных целях и даже за границу продавать. Вы же знаете небольшой рабочий посёлок и рудник, где добывают горную кудельку, а называют её асбестом. Вот такая история получилась с нашей куделькой, закончил историю про кудельку дед Михаль.
- Да, знаем и бегаем туда играть в соловьи-разбойники, сказал Ванятко.
- А теперь ребятки будем кушать уху, подставляйте свои тарелки и готовьте ложки, сказал дед и стал разливать половником по тарелкам ребят наваристую уху, от которой исходил аппетитный запах.

Чуть-чуть стало светать, дул легкий прохладный ветерок, лягушки продолжали вести свой хор, где-то вдалеке слышалось завывание волка в темноте, а ему в ответ тоже отвечали его же сородичи. Хорошо сидеть у костра в ночи, да ещё пробовать наваристую и горячую уху...

Дед Михаль откушал ухи и стал набивать свою трубку запашистым табачком, зажёг её и сделал глубокую затяжку, выпуская дым колечками.

- Деда, а что на твоей трубке написано красивыми буквами? спросил вдруг Ванятка, кушая уху.
- Кушайте уху, не подавитесь косточками. Будьте осторожны. Моя трубка это подарок Государя Петра. Написано на трубке «Моему спасителю Михаилу от вражеской сабли. Пётр І».
 - От самого царя-батюшки? спросил кто-то из ребят.
- Да. Это было так. Служил в то время в личной гвардии государя Петра Алексеевича. Это было под Полтавой в 1708 году, когда Пётр Великий со своим войском разбил шведские войска, дед Михаль замолчал, задумавшись о своём былом, потом снова начал рассказ.
- Петру Алексеевичу тогда было 37 лет, а мне 47, я был ещё крепок тогда. Хорошо владел всем оружием. Что имелось тогда на вооружении русской армии.

Это касалось стрелкового оружия пистолетов и ружей, а особенно владел холодным оружием-саблей и кинжалам. Нас этому обучали хорошие мастера своего дела. Мы, гвардия государя охраняли и обеспечивали его безопасность во время военной компании и непосредственно в бою. Пётр Алексеевич был нетерпелив и часто рвался в бой лично и быть впереди. Такой уж у него характер.

Сражение шло к завершению победы русского оружия, и тут Пётр Великий не выдержал, выхватил свою саблю из ножен и крикнул: «За мной гвардейцы, за Святую Русь! Ура!». Быстро побежал на передовые позиции наших войск, чтобы самому быть участником победы над шведскими войсками непобедимого короля Швеции Карла XII, — дед возбуждённо продолжал свой рассказ и остановился, переводя свой дух, а потом затянулся трубкой.

Небо на востоке становилось светлым и чуть-чуть выглядывало солнце на горизонте. Первые лучи солнца падали на поверхность водной глади и отражались. Ветерок ночной к утру стих, озеро успокоилось, только слышны всплески рыб, которая проснулась и искала себе корм в воде. Самое то, её ловить на удочку. Проснулись лесные птички, заведя свою перекличку. Красиво исполняя мелодии леса. Ляпота! Ребята закончили кушать уху, и все были во внимании к рассказу деда.

– Ой, как интересно, а что дальше было? – спросила с любопыт-

ством одна из девочек.

— Нас было 25 гвардейцев личной охраной. Мы ринулись за государем, окружая его с дух сторон и с тыла. Я возглавлял по ходу левую сторону, и бежал рядом с государем впереди своего отделения с саблей в правой руке, а в левой держал пистолет. Также бежало и другое отделение, по ходу справа. С тыла прикрывали несколько человек во главе с офицером и следили за ситуацией по ходу боя. Мы добежали до линии сражения рукопашной русских воинов со шведскими. Наши одолевали неприятеля. Государь бесстрашно ринулся в бой, поразил одного, второго шведа. Мы прикрывали его со всех сторон, а он шёл и сражался впереди. В этом случае лучше не становиться на его пути. Сеча продолжалась уже несколько минут. Солдаты, видя своего государя, ещё сильнее стали биться и с криком: «Ура! Умрём за царя и Святую Русь».

Тут произошло не предвиденное, на Петра Великого напали два маститые шведа с саблями и пистолетами. С правой стороны гвардеец кинулся на шведский пистолет и угодил под пулю, которая предназначалась для Петра Великого. Пуля попала в правое плечо спасителю государя. Его звали Фёдор. Шведа тут же поразили саблей гвардейцы с правой стороны.

Бой продолжался, второй швед близко оказался на взмах сабли от Петра, который в этот момент загляделся на своего спасителя Фёдора. Швед замахнулся саблей и стал наносить удар по государю. Я выскочил, что есть мощи в моих ногах и отразил удар своей саблей. Сабля шведа отразилась от моей сабли и рассекла мне тоже правое плечо, но рана оказалась не тяжёлой. Однако я успел его застрелить из пистолета, который был в левой руке. Вот так, – дед Михаль замолчал, вдруг закашлялся. При этом добавил, – эх, крепкий табачок.

- Как интересно! Деда, а что дальше было? спросил Ванятка.
- Тут, откуда не возьмись, оказался князь Меньшиков Александр Данилович, его правая рука во всех государственных делах и войнах. Он дал команду офицеру замкнуть кольцо вокруг Государя и вывести его с поля боя. Да он уже и сам не рвался в бой под впечатлением того, что его гвардейцы спасли от вражеской пули и сабли, тем самым спасли от смерти. Наши войска разбили в тот день шве-

дов, много взяли трофейных пушек, оружия и пленных. В том числе и десятки шведских генералов.

Нас отправили в лазарет, сделали операции. На другой день лазарет посетил сам Пётр Великий. Поговорил с нами. Пожелал быстрее выздороветь. Поблагодарил за его спасение в сражении. Он сказал нам: «Я, государь ваш, освобождаю вас от крепостного права грамотами. За вашу преданность и мужество и спасения государя от смерти награждаю вас именной трубкой и именной саблей. Каждый год пожизненно будете получать пенсионный кошт. Спасибо за службу, храбрые унтер-офицеры. С такими воинами, как вы, Россия станет Великой Державой. Вот такая надпись и появилась на трубке, такая же надпись на моей личной подаренной сабле, — закончил дед Михаль.

– Как интересно, деда! А ещё расскажешь что-нибудь? – раздались голоса ребят.

Солнце уже поднялось над горизонтом, но пока ещё не высоко. Пора поднимать и вести стадо коров на водопой и в стойло на дойку, а лошадей будут уводить мужики, и запрягать в телеги на разные хозяйские работы.

 Сейчас марш домой, а то родители забеспокоятся, завтра я расскажу интересную историю. Своего рода миф об асбестовой кудельке.

Снова поздним вечером собрались ребята у костра деда Михаля слушать его байки и рассказы про старину, и разные чудеса. Им это нравилось. Ванятка наносил сухих сучьев для костра, чтобы хватило до утра. Дед потягивал свою знаменитую трубку, чуть покрякивая от дыма, и молчал, раздумывая о своём.

Над костром опять висел котелок, из которого распространялся аппетитный запах. Солнце садилось на запад, а над горизонтом висело багряное небо. Это было так красиво, что трудно оторвать глаз. Слегка дул ветер с озера, квакали лягушки, перекликаясь между собой. Где-то в лесу куковала кукушка, назначая кому-то свой жизненный срок. Хорошо.

– Ребятки, сегодня мы с Ваняткой попотчуем вас зайчатиной. Ванятка в селки поймал пору молодых зайчиков, – сказал дед Михаль,

поглядывая на ребят, своими умными глазами.

- Как здорово! Вкусно пахнет. Расскажи нам историю, которую обещал, деда, воскликнул, кто-то из ребят.
- Хорошо. Обещанное надо отдавать. История эта, вот о чём, начал рассказывать дед Михаль, – она живёт в преданиях народа, который жил веками на этой земле.

Рассказчик на некоторое время замолчал, глядя на звёзды чистого ночного неба. Ярко светила Луна. Тишина, только в костре потрескивают горящие сучья, из которых вместе с пламенем летят искры. Хорошо смотреть на огонь костра, забывая всё на свете и печаль и горе и личные проблемы. Хорошо.

— Это было давно, летом, днём при ярком солнце. С неба опустился бесшумно большой серебряный шар, из которого вышли в серебряных костюмах пришельцы ростом до двух метров. Это произошло близ деревни, где жили местные жители. Всё жители выскочили на улицу в страхе, упали на колени, и стали молиться на пришельцев в серебряных костюмах с неба. Их было трое. Один из них сказал: «Мы прибыли с мирной миссией с далёкой Галактике Дельта, с планеты Орион, которая вращается вокруг звёзды Пассея, похожая на ваше Солнце. Нам нужен минерал Хризотил — асбест, что означает с греческого золотой волос — постоянный, долговечный», — дед Михаль замолчал, а потом сказал, — зайчатина сварилась и бульон наваристый, кушайте ребятки, не торопитесь. У нас вся ночь впереди.

...Галактика Дельта, Планета Орион. Столица Галактики называлась Геоид, здания и сооружения построены в фантастически, необычном архитектурном стиле и дизайна, который применялся во всей Галактике. Но столица Геоид было особенной и самой лучшей по красоте, и выглядела воздушной, от которой глаз невозможно отвести. Дворец Императора всей Галактики располагался в центре города и устремлялся своей необычной конструкцией, которая заворожила сознание, в небо. Шёл Совет мудрейших старцев и врачевателей. Император Галактики Дельта, его звали Геротет, восседал на троне, а рядом с ним сидела императрица, его жена Афелия, сказал:

- Великие Мужи Галактики, я призвал вас для очень важного

дела, помочь и решить важную галактическую проблему. Наследница престола Галактики Дельта принцесса Анурия находится в критическом тяжёлом состоянии. Её болезнь, которой она заболела, угрожает жизни. Тело её покрылось язвами и специалисты и учёные не могут определить, что эта за болезнь. Она находится в строгой изоляции от всех. Болезнь при контакте заразна. Во всей нашей Галактике Дельта не было зафиксировано такой болезни. Большая личная просьба от меня и императрицы, моей жены Афелии. Семья моя и вся Галактика Дельта в печали и беспокойство за её жизнь. Имеется возможность эпидемии этой неизвестной болезни. Помогите Принцессе Анурии и всей Галактики Дельта. Особенно это касается Планеты Орион. Какие ваши предложения? Говорите.

Наступила мёртвая тишина. Через какое-то время один из знаменитых врачевателей Галактики Дельта промолвил:

- Великий Император Геротет и императрица Афелия всей Галактики Дельта, всех созвездий и звёзд с их планетами, мы знаем о Вашей беде с Принцессой Анурией. Мы искали источник болезни и ничего не нашли. Нам не известны пути и место, откуда проникли источники болезни. Но...
- Всё так безнадёжно? печально и тихо спросил Император Геротет.
- Есть надежда. Как говорят: «Надежда умирает последней», обнадёживая Императора, сказал врачеватель.
- Говорите быстрее, что это за надежда! эмоционально проговорила Императрица Афелия.

Императорская семья и вся свита застыли в ожидании ответа врачевателя, внимательно, глядя на него.

- Великая Императрица Афелия, вирус болезни пришёл извне нашей Галактики Дельта, а, значит, лекарство от этой болезни находится так же, где и вирус болезни, сказал врачеватель.
- Значит, искать лекарство нужно за пределами нашей Галактики Дельта. Как и где? взволнованно спросил Император.
- Эту острую проблему для Вашей семьи и Галактики Орион,
 Великий Император, мы серьёзно и долго изучали, а затем обсуждали и пришли к определённым выводам и решений, промолвил

врачеватель, глядя внимательно на Императора Галактики Орион.

- Поясните, что это за выводы и решения, заинтересованно спросил Император.
- Пусть на это выскажется один из мудрейших учёных старцев,
 сказал врачеватель, показывая на одного из них.

Из мудрейших старцев выделился один из них вперёд на несколько шагов и сказал:

- На большом расстоянии от нас по соседству с нашей Галактикой Дельта расположена Галактика Млечный путь. В ней находится Солнечна система, в которую входят до одиннадцати планет. Одна из планет, которая нас интересует, называется Земля (голубая планета). От звёзды Солнца она расположена третьей на орбите со своим спутником Луна. Возраст её составляет на настоящее время 3,5 миллиардов лет. Летоисчисление на ней сейчас 1000 лет после Рождества Христова, Господа Бога. На Планете Земля имеются атмосфера, воздух, вода, соответственно существует многообразие животного и растительного мира. На Земле существует человеческая цивилизация на своём раннем развитии. Среди них много рас и религиозных вер, хотя Бог является Единым для всех. Планета Земля имеет сходство по всем физическим параметрам, в том числе флоры и фауны с нашей Планетой Орион, говорил мудрейший.
 - И, что из этого? нетерпеливо спросила Императрица Афелия.
- Не будем торопиться, всё по порядку. На Планете Земля много минералов и разных элементов, некоторых в нашей Галактике нет. Болезнь эта на Земле называется проказой, заразная и распространяется при прикосновении к заражённому. Этих людей изолируют от общества, высылают на острова и там они умирают. Имеется на Земле целебный минерал, который называется хризотил асбест, магнезиальный гидросиликат, химический состав которого теоретически выражается формулой 3MgO . 2SiO(2)2H(2)O с процентным содержанием окислов:

$$MgO - 43,45\%$$
; $SiO(2) - 43,5\%$; $H(2)0 - 13,05\%$.

Таких элементов, из которых состоит хризотил – асбест в нашей Галактике Орион отсутствует, кроме воды H(2)0. Он способен распадаться на гибкие и прочные волокна. Из него можно ткать ткани

и изготавливать одежды. Он не боится огня и выдерживает температуру до 1000 градусов выше нуля, – замолчал на этом мудрейший, передохнув.

- Что дальше нужно сделать? спросил Император.
- Нужно из этого минерала соткать костюм по размерам тела принцессы, одеть его герметично на неё, затем поместить в пламя огня на пять-шесть минут, пока из костюма не станет выходить голубой цвет, цвет голубой Планеты Земля. За это время вирус этой болезни будет уничтожен и Принцесса Анурия Галактики Орион станет здоровой.
- Каким образом вы установили диагноз болезни и метод её лечения? Скажите! нетерпеливо спросил Император Геротет.
- Хорошо, мы расскажем, каким образом имеем эту ценную информацию. Мы продолжительное время усердно молились, но молилась и вся цивилизация Галактика Орион. Бог Вселенной нас услышал и послал нам посланника, который и открыл эту ценную информацию. Она должна спасти Принцессу Анурию и разумный мир Галактики, закончил мудрейший, глядя на императора и его жену, у которых обнадёживающе загорелись глаза.
- Благодарю тебя, Господи, что обратил к нам своё внимание и помогаешь в нашей суетной жизни, Император и Императрица подняли руки к верху и молились о помощи.

Наступила тишина, свита, и присутствующие тоже стали молиться о помощи к Господу Богу.

Наконец, Император обратил взор свой на мудрейшего, и промолвил:

- Остаётся одно, послать экспедицию в Галактику Млечный Путь на Планету Земля за целебным минералом Хризотил – Асбест.
- Да, нужно снарядить экспедицию снаряжением для добычи этого горного минерала. Мы посылаем от мудрейших и врачевателей молодого учёного, который на Земле всё сделает и определит пути решения этой проблемы, ответил мудрейший.
- Как быстро миссия вернётся назад с выполненным заданием?спросил Импера¬тор.
 - Аппарат будет перемещаться по коридорам времени и про-

странства. Всё произойдёт мгновенно. Время потратится на Земле для решения проблемы получения горного минерала Хризотил — асбест. На это уйдёт несколько дней, не больше, — ответил мудрейший.

— Хорошо. Да, в дар людям, рассыпь по Земле наш минерал Изумруд, особенно там, где будете добывать горный минерал Хризотил — асбест. Надеюсь, они будут нам благодарны за этот минерал, который принесёт им пользу. Тогда в путь, желаю экспедиции удачи!

Вскоре аппарат стартовал по коридору времени и пространства...

Луна светила на небе, звёзды горели, словно искры в костре, вокруг просматривалась поляна, на которой паслись лошади и изредка перекликаясь между собой ржанием. Всё также квакали лягушки, словно, кто-то дирижировал ими. Хорошо. С озера тянуло свежестью и легкий ветерок обдувал собравшихся вокруг костра.

Ребята заканчивали трапезу, обгладывая косточки зайчатины и облизывая ложки.

- Деда, расскажи, что дальше было? спросил Ванятка.
- Что дальше? Слушайте внимательно. Один из пришельцев в серебряном костюме спросил: «Люди, покажите нахождение горного минерала Хризотил асбест. Нам нужно его добыть и из его волокна соткать костюм для Принцессы Галактики Дельта, положить её в костюме в пламя костра, чтобы она вылечилась от болезни проказы. Эта болезнь существует у вас на Земле».

Люди закивали головами в знак того, что знают этот минерал. Из группы людей вышел с седой бородой человек и сказал: «Что говорите Вы — это правда. Мы покажем, где находится горный минерал, и поможем соткать костюм из него. Пройдёмте за мной». Это был староста селения, он повёл пришельцев в селение, в свой дом и там показал тканые изделия и горного минерала Хризотил — асбест. Это были платья и костюмы, скатерти и варежки и другое. Пришельцы смотрели, трогали, изучали прибором химический состав. Главный пришелец сказал: «Это тот горный минерал, который спасёт Принцессу», — дед Михаль замолчал, о чём-то думая, при этом посапывал свою трубку, подаренную Петром Великим.

- Как интересно? С неба могут прилететь к нам пришельцы? Как

страшно? – посыпались вопросы от ребят.

- Не бойтесь. Это очень было давно. Они посетили Землю с мирной целью и их контролировали небесные воины, ангелы, которые стоят на страже Планеты Земля. Вот так. У нас у каждого есть свой ангел, которые, к тому же защищают нас. Дальше было так. Местные жители показали горный минерал, где он залегал. Практически на поверхности земли. Надо сказать, что пришельцы своими миниатюрными машина извлекли минерал из земли. Очистили его от пустой породы, расщепили волокна до тканого состояния и сказали старосте: «Просьба к вам великая соткать костюм для принцессы по размеру. Голова и конечности должны быть укрыты». Староста кивнул головой и сказал: «Выполним. Какой срок нужен Вам?». Пришелец сказал: «Как можно быстрей». Староста ответил: «Выполним», -дед замолчал, слушая, как где-то кукует кукушка. Отчитывая кому-то свой век.
- Что дальше было? Рассказывай, деда, кто-то нетерпеливо спросил.
- Не торопитесь. Солнце только, только пытается взойти из-за горизонта. Слышите, кукует кукушка. Это она мне отчитывает года. ... пять, шесть, ... двадцать. Значит, мне суждено прожить до восьмидесяти лет. Не верится... Впрочем, всё в руках Бога. Слушаем дальше. Староста деревни дал задание женщинам, и они за несколько дней соткали из волокон горного льна, минерала Хризотил – асбест костюм по размеру, который должен полностью, герметично укрыть Принцессу. Женщины соткали два костюма, один в подарок Императору Галактики Дельта. За такой подарок Пришельцы сказали: «За вашу помощь нам Император дарит вам минерал с нашей Планеты Орион изумруды. Как его применять сами со временем поймёте, или поймут ваши потомки». Пришелец достал из своего ларца несколько горстей изумрудов, которые светились зеленоватым светом. По размерам они были с горошину, и более до голубиного яйца. Перед возвращением на аппарат главный Пришелец сказал: «Прощайте люди, мы будем помнить о вас. Мы рассеем изумруды, которые будут находиться в земле недалеко от вашего поселения. Будущим потомкам вашим они принесут пользу», – закончил рассказ дед Ми-

халь, попыхивая своей трубкой.

- Неужели это было, правда? высказал Ванятка, глядя на деда.
- А то как. Врать я бы не стал. Смотрите, на небе звезда падает.
 Загадывайте своё желание. Оно должно сбыться.

Уже светало. Лягушки во всё широту своего голоса исполняли серенаду. В лесу пели соловьиную песню лесные пташки. Комары и мошка стала одолевать сильнее под утро, даже костёр не спасал. Ребята терпеливо переносили все неудобства ночного привала у костра, находясь под впечатлением рассказанного дедом Михалем....

20.04.2014 год

Николай Михайлович и Геннадий Александрович Чугаевы

Николай Чугаев (на фото – справа) и Геннадий Чугаев – двоюродные браться.

Николай живет на земле пред-

ков, в «родовом» селе Грива Республики Коми и пишет повести, рассказы и сценарии на родном коми-языке о жизни окружающих его сельских людей, их обычаях и верованиях, подавая это с юмором и любовью к «деревенскому быту». Геннадий — член Союза журналистов России, пресс-атташе Ассоциации национально-культурных объединений Свердловской области, лауреат ряда окружных и республиканских премий в области журналистики. Ну и «по-родственному» перевел повестьбрата на русский язык, чтобы представить её в данном альманахе многонациональному сообществу Урала. Такой вот родственно-творческий тандем, показывающий читателям творчество представителей коренного народа севера европейской части России и Урала.

Повесть «Кöнкö матын, талапöлас» («Где-то рядом, на этом берегу») – лауреатлитературного конкурса «Эзись борд» («Серебряное крыло») Государственного Совета Республики Коми в номинации «Проза».

«Посвящается нашему деду Митит Семену (Семену Алексеевичу Чугаеву) и его детям- дочери Митит Анне (Анне Семеновне Чугаевой) и сыну Митит Олександру (Александру Семеновичу Чугаеву), нашим родителям» (Николай и Геннадий Чугаевы).

«Кöнкö матын, талапöлас»

«Где-то рядом, на этом берегу»

Предисловие

Мудрый человек сказал: «Кто прошлое вспомянет, тому глаз вон, а кто забудет, тому оба». Кому понравится слепым щенком в темноте скитаться? Потому, видимо, взялся я за это произведение.

Знаю, нелегко писать про то, чего сам не видел, не пропустил через себя, но ещё тяжелее становится от мысли, что всё это, прошлое, стирается-забывается из человеческой памяти и теряется в водовороте современной жизни. (Печатается в сокращении).

«-Жалеет тебя, Федосья, Семён-то, жалеет...

- Не понять тебе, не попадала ты под его плеть, конюх без плети не ходит. Хотя я ведь не про то, что бьёт. Ты семерыхтолько и родила за бабийвек, не десятерых, как я...» (Здесь и далее — из воспоминаний односельчан — гривенцев).

Аннушка

Осенний день как непоседливый щенок. То снегом землю припорошит, а бывает и наоборот белую шубу одним мигом скинет-растопит. Будто капризная купеческая дочь перед зеркалом: крутится-выхваляется, не знает что инакинуть. Вот и сегодня погода показала своё упрямство.

С утра, по дороге в школу, у Аннушкиот морозного воздуха лицо будто иголочками покалывало. А к обеду потеплело. Туман молочнымтяжёлым одеялом накрыл селои жадно принялся плавить-слизывать осенний пушистыйснег.

Правду говорят старые люди: междудвумя великимисубботами упавший снег долго не живёт.

На переменке шустрые ребята успели вдовольнаиграться в снежки. До одурения вываляться в скрипучем снегу. Даже успели, озорники, Гришуне, в классе самому мелкому, снежком попасть по лицу. Сидит вон, как герой, веснушчатый нос закрываетснежным комком. Учитель еле успокоилразыгравшихся детей. Нет-нет, ноопять кто-нибудь прыснет-засмеётся, по всему классу поднимет веселье.

Только Аннушке сегодня не весело, еле сдерживает слёзы. Коля, самый близкий и верный друг Аннушки, третий раз задлинныйдень подходит к девочке, тихо посидит рядом, потом вздохнёт и отойдёт. Не понимает, молодещё, что же так волнует девочку, а спросить слов не находит. Да и не хочет, знает, что ответа не будет. Не умеет Аннушка жаловаться.

Вот в такой же снежный день, год назад умерла милая мама, самыйдобрый и любимый на земле человек. Девять лет и досталось пожить Аннушке под крылом матери. Короткихдевять лет нежиться в утреннем вкусном от запаха горячего хлеба воздухе родного дома. В дремоте слушать до боли знакомые мамины напевы.

- «-Тётя Марья, а чем Вы в детстве играли? Наверное, самодельнымитряпичными куклами.
- Какие уж игрушки в то время...А, погоди, вспомнила! Если соберёшь сточервячков да сдашь в лавку, то на них давалималенькую куколку.
 - ?!
 - -А зачемчервячков собирали до сих пор не понимаю.
 - -Возможно, кур держали?
 - Бог знает, может и держали...»

Полдень

В Завраге воздух такой, будто не вдыхаешь, а мёд пьёшь! Воздух настоян на травах и душа наполняется до краёв. Даже дым отцовского самосада, здесь на воле, не раздражает.

- Эх, статьбы божьей коровкой, думает Аннушка, глядя на бегущую по пальцу букашку. Вот ведь, как резво бегает-торопится, и ведь не боится.
- Наверное, много повидала на вольном свете, только вот рассказать не умеет...- Вздохнула девочка и высоко подняла ладошку. Божья коровкатолькоэтого и ждала. Расправила крылья, замерла на бесконечное мгновенье, будто прощалась счеловеком, иподнялась в воздух.
- Лети к деткам!Счастливой дорожки!— нечаянно выкрикнула Нюра.
 - Кому счастливой дороги желаешь? трубка отца чутьне упала

- изо рта. До счастливой дороги, доченька, вот ещё какой большой стог надо поставить. Целый день уже на улице парит, Семён вытер со лба пот. Грех будет, если замочим такую траву.
- Ну, получилось, должно быть, проверил Семён прочность новой волокуши за оглоблю, довольно хмыкнул и заново прикурил погасшую черемуховую «носогрейку». Однойработойменьше. Старыеволокуши совсем развалились, ановыесделать виднонекому. Не успел ещё родиться такой умелец... А ты, Анна, что полугу рыщешь? Не вчерашний ли день ищешь?Непосмотрю, что моя дочь, скоро уволю за безделье.
- Меня, отец, девочки послали спросить, можноли искупаться?- Мы недолго. И женщины не против ополоснуться. Оставшиеся валкив копны мы сами, говорят, уж как-нибудь соберём.
- Вам,лягушатам только волю дай, из воды не вылезете. Вон, одногоуже послал лошадей напоить,— еле сдержался от ругательства отец. Пропал, будто в воду канул, полчаса уже жду. Пусть только появится, паршивец,этой вот плёткой и получит! Коля, Коля, заметил вопрошающий взгляд дочери. Кто же ещё, какне он.Только он один и может пропасть-запропаститься посреди белого дня.
- Да ведь онцелый день на лошади сгребал, устал, наверное! защищает парня Аннушка. Вон какой луг огромный...
- Что делал? чуть не подавился Семён. За девками, пострел, приглядывать не уставал? А здесь, посмотрите-ка, устал! Не зли меня, Анна, по- хорошему прошу. Нашлась защитница у сопливца. То-то ядумаю, что он каждый вечер у дома торчит? Жених!
 - Отец...
- Не дразни меня, Аннушка, берегись! Лучше будет, если пришлёшь его сюда. Ну, иди, доченька, иди, —помягчел голосом Семён. Да скажи ему заодно, пусть своегоКубрака отпустит попастись. Копны и Серко сможеттаскать, не барин. Не перепутаешь?
 - Нет. А девочкам, что сказать, неймётся Анне. Я про купание?
- -Нет, серая шерсть, говорят не побелеет! по своему даёт согласие отец и, заглушая визг девочки, добавляет. -Поплескайтесь, но не теряйтесь, как Коля.

Время обеда. После еды ох и хорошо поваляться на тёплой зем-

ле-лежанке, отдохнуть.

В жарком воздухе сначала тихо, потом всё громче поднимается весёлый разговор. Как без этого скучающим бабам! Считай, молча день напрасно пройдёт, как говорят, за зря сгинет.

Мужикам эта черта хорошо знакома. Поэтому большинство ищут причину, чтобы скрыться на это время с бабьих глаз. Кому охота попасть под железные жернова. И не заметишь, как смелют до опилок. И ахнуть не успеешь. Вотони бедные и разбредаются кто куда - молчком, не оглядываясь. Одни сбегают к озеру, проверить сети, другие — скрываются под обрывом с удочкой. Но уж берегись, кто не сумеетвовремя исчезнуть, считай, что на свет появился напрасно, бедолага.

Вот и сегодня, как-то вовремя всем выпало счастье слинять. Кому в радость, а бабам тоска. Меж собой, межродимыми, всё уже давно переговорено.

Душа же требует хоть какого-нибудь, но праздника...

Займётсялёгкой дымкойженская воркотня, да быстро и утихнет. Кое-кто из баб, от нечего делать (какое-никакое занятие), принялись вошек-блошек искать. Это древнее занятие хорошо нервы успока-ивает.Кто-то прихватив соломинку между губ, заводит песенку-нескладуху...Но это всё не то...Хоть и жарко, но сердце рвётся в бой.

Надо же! Угораздило Семёна вернуться. Кисет, ёк-марьёк, где-товозлекостра из кармана выпал, а без курева после обеда скулы выворачивает, врагу не пожелаешь.

Бабам, конечно, знаком тяжёлый характер Семёна. Может и кнутом угостить, ежели под горячую руку попадёшь. Но, как говорится, на безрыбье и ...

- Найдётся потерянный табак, не заноза ведь. Как бабки говорили, ежели когда селезёнка ёкнет, тогда значитсясам и найдётся. А волнует таких, как мы вот что, подошла к сидящему мужику Клавдия, подпёрла руками бока. Ты вот за свой век успел уже второй раз жениться. А я день и ночь про это думаю, а счастье никак не приходит, будто ветер стороной проносит. Научил бы меня, глупую, как мужика на удочку подцепить? Слышишь, СемёнАлексеич?
 - Ну и балаболка же ты, Кланя. Я смотрю, не живётся тебе, как

все люди живут.

Семён погладил раненую ногу и тихо, осторожно, как будто укачивал ребёнка,пристроил на ближайшую травяную кочку. Потянулся к палке, добавил:

- Спина если зачесалась, могу научить, даже и бесплатно.
- Ой, чешется, Сёмушко, чешется, терпенья нет, продолжала тешиться Клавдия. Да только молодайка Сандра, я думаю, против будет...

Слушатели засмеялись. Расшалившейся женщине будто кто в костёр дров подкинул. Бес передыху дальше:

- Я только одно никак непойму, откуда ты, бедняга, на любовь силу черпаешь? От других мужиков совсем ничем не отличаешься, такой же серокрылый ястреб. А тут орёл да и только.
- А тебе Кланя, откуда это известно? –тоже влезла в веселье Лукерья, крепкая женщина, соседка Клавдии. Про какого мужика ни спроси, обо всех знает!
- Ты, Лукерья, глаза пошире открой и навостри уши, по работе и познаёшь характер человека. Вот возьми Федосью, не к месту будет вспомянута покойница, Царство небесное, перекрестилась Кланя и по очередизагнула семь пальцев. -Семерых детишек быстро сделали. У жены давно бы пупок развязался, а Семёну хоть бы хны. С Сандрой тоже не только игрались, двоих сыновей выковали. И как здесь не удивишься. Погоди, погоди, чуть невзвилась ввоздух от этих слов. А куда денешь мучения в германском плену в империалистичскую? А дальнейшее житьё-бытьё?

-Ну и что если был в плену, никого в этом не виню, - даже разозлился Семён. — Не по своей воле там, в Австрии был, а вот из-за этого несчастья, - стукнул палкой по больной ноге. — Когда пришёл в себя, тамуж всё: немцы вокруг, не вырвешься.

- Я ведь, Семён, это не нарочно, поубавила голос женщина, видно поняла свою оплошность. Я ведь спросить хотела вот что, если можно?
 - Спрашивай, от тебя ведь не отделаешься.
- Сам говорил, что в дальних землях конюхомтоже работал, за лошадями ухаживал у богатой фра...фру...

- Фрау.
- Да, будто бы жил ты у барыни. Так?
- Ну, так и было.
- Вот я и хочу спросить у тебя, Семёнушко, какие они?
- Кто? Лошади что ли?
- Лошади?! Xa-хa-хa! рассмеялась Клавдия и повалилась на траву. Немки, Семён! Немки!!.
- Ax, ты, розгайло! потянулся Семён стукнуть палкой, но не достал, больная нога подвела.

Не знали они, эти люди с глазамиблестящими от счастливых слёз, так же как и дети, беспечно купающиеся в прогретой полуденнойводе: уже на этом берегу, что в одном шаге от них, ну, можетза поворотом роднойреки стоит, насупившись, земное Зло.

Мало ему, ой мало той дани, что заплачена уже сгинувшими недавно солдатами на заснеженных полях в холодной Финляндии.

Тесно этой волчьей душе за границейпакостить.

Вот и стоит чумой на том берегу, ждёт назначенный час, чтобы огнём и железом задушить и без того редкую радость. Печеньегосжирает, в горло ему вонзается женскийбеспечный смех.

Но всё жепридётсяподождать емуещё целый год, целыйдлинный год...

Бабье лето

Осенние холодные дожди, словно с ленцой, медленно отодвинулись. Дали дорогу долгожданному бабьему лету. Наступили тёплые и сухие дни. Знала ли хвастливая осень, что невеста-лето будет таким длинным и таким тёплым. Золотая погода позволила сельчанам закончить работу, которой помешали начавшиеся былодожди. Вот и сегодня взрослые и дети вышли на уборкуоставшихся снопов льна. В хорошую погоду и разговоры бодрее звучат.

-Клара,ты где пропадала? – тешится молодёжь над медлительной девушкой, которая работает у льняной машины. - Не нашла ли второго милого возлеколодца для замачивания льна. Неспроста ведь дед Васька, рабочий колодца, второй день ухмыляется радостно. Гена весь лицом посмурнел от горя, - толкают парня вбок. — Все глаза просмотрел, пока ждал, так ведь, Геночка?

Девушка тоже не из глины сделана. Остановила телегу полную снопов, быстренько заправила волосы под платок и, сверкнув хитрым глазом, оглянулась:

- А ведь правда нашла. Старый конь борозды не испортит, и вдруг без промедления ткнула парня в живот.
- Так их, Клара, так! Не поддавайся, смеются женщины. Пусть спасибо ещё скажет, что по корню не попало.

Бодрый смех, шутки, звук работающей машины, тонкими кружевами витают в осеннем воздухе.

Вкусным грибом полон лес

Природа будто спохватилась и щедро, на удивление людям, ковром расстелила (и это поздней-то осенью) подберёзовики-маслята на полянах и вдоль дорог. Целое лето ни одного гриба не было, и вот тебе, хотькоси, если не лень. Только старики не рады этому: ох, не к добру эти лишние грибы.

Сегодня, после работы Анна с подружками Машей и Дуней договорились сходить в лес за грибами.

Анна, как и договаривалась сдевчатами, зашла к Николаю позвать парня в товарищи. Коля с отцом на крыльце сети ремонтировал. Девушка поздоровалась с дядей Егором и обратилась к парню:

- -Коля, я смотрю некогда тебе, напрасноя пришла. Мы с девочкамисейчас в лес собрались...
- Я вижу, дядя Егор показал рукой на корзинку-наберушку. Товарища ищите?
 - Ну да. В лесу осенью опасно...
 - А товарищ-то что, не хочет идти? отец еле сдерживает смех. Коля вздохнул, глянул на отца и безнадёжно пожалплечами:
 - Хоть и хочу, но вот не получается.
- -Хочу, не могу... передразнил сына отец. Я тебя не держу, сам знаешь. На посиделки бежишь небосьне спрашиваешь, а здесь таким девушкам отказываешь. И тихонько подмигнул Аннушке. Эх, был бы я помоложе, не спрашивался бы.

Анна ладошкой прячет довольную улыбку.

- Эй! Тетеревиный хвост! – отец тоже едва сдерживается. –Хоть какую-то посудину возьми, - едва успел крикнуть убегающему пар-

ню. – Ты что грибы за пазуху собирать будешь?

Девчата, стоявшиеза забором, заметили приближающихся и тронулись в путь, не сталиих ждать. Надо будет – догонят.

- Всё же, Коля, отвлекла я тебя от работы, нарушила молчание Анна и поправила у парня картуз на кудрявых волосах. С отцом, наверное, рыбу ловить собрались, а тут мы со своими грибами сунулись.
- Скажешь тоже, отец сам предлагал, говорит, людиуже до одури грибов натаскали, мудрит Николай. С Аннушкой хоть бы сходил, на еду принёс немного.
 - Коля, я ведь правду говорю, а ты смеёшься.

Николай довольно улыбается. Достаёт из кармана большую горсть конопляных семечек.

- Ух, какой запах. Давай помиримся. На, полакомись, высыпал семечки в ладошку.
 - А себе? хотела поделиться Аня с щедрым кавалером.

Но он спрятал свою руку. Затем с хитрым выражением лица порылся за пазухой и вытащил сшитый кисет, потряс перед лицом Анны:

- C сегодняшнего дня начну курить. Как-никак семнадцать лет справил.

Аннушка от неожиданности подскочила:

- Ты, что, Коля! Зачем тебе такой яд вдыхать?
- Где там яд-то? Дядя Семён трубку изо рта не выпускает и ничего, не жалуется ведь.
- Как это нет? После поганого газа империалистической,мне, говорит, табак, как лекарство. И зачем ты придумал? выхватила кисет и высыпала табак на землю. Мне отец сказал:берегись Анна, если замечу, что как другие будешь баловаться табаком, кожу сдеру, и не посмотрю, что моя дочь.

(Знала бы Анна и другие её подруги, что яд этот станет обманкой от голода в безжалостные годы войны. Да так и останетсяпривычка эта вредная на всю жизнь).

Интересно грибы собирать! Ползай, как медведь в овсе. Торопись-дотягивайся. Со всех сторонсловно пуговки рассыпаныгрибы.

В бору даже боровики умудрились кое-где выйти. Предводитель Николай сразу же заметил, не стал, хитрец, здесь собирать сопливые маслята. Заметил, что хорошие грибы осенью среди кустов выросли. Вот и лётает-рыщет среди мелких ёлок. Нырнул в пушистые ветки да чуть не столкнулся с Анной. От испуга девушка пошатнулась и чуть не упала. Если бы он не успел подхватить её, так быи случилось.

- Испугал, ирод , - вздрогнув, выдохнула она и стала вырываться из крепких объятий.

От её испуга, дрожащего голоса, у парня помутилось сознание.

- Аннуш!... – вот и всё, что смог сказать тут же задохнувшийсяпарень.

Девчоночьи руки, сами собой, как во сне, обняли шею парня, и никогда не целовавшиеся губы, неумелосоединились в горячем и чистом поцелуе.

Лектор

После долгой осени мороз, будто голодный волк, моментально заморозил землю. Открыл зимние дороги. Зима человеку, что ни говори, всё же даёт небольшой отдых. Конечно не всем. Скажем молодёжь, наоборот, попадают под трудовую повинность. Никому в селе не в диковинку, что в сельсоветпришла разнарядка на лесозаготовки.

Анна уже знает, что она тоже попала в список. Старшие подруги уже не первый год ходят в лес. Кто работал ямщиком, кряжи возил с Мырпонаиба к месту, где вяжут плоты. Кто посильнее вытягивают, выбиваясь из сил, эти кряжи на волокушу, которой таскали лес. Пятнадцатилетних девочек, кто едет впервые, не станут посылать брёвна складывать, но как говорят предыдущие работники, с лошадьми работать тоже не мёд, может даже и потяжелее будет.

Складовщики работают сообща, как говорят, большойкучей. А возчик на лесной дороге совсем один. Если сани опрокинутся, придётся самому управляться. До надрыва пупка собирать упавшие брёвна. Хорошо, если проходящие попадутся из знакомых... От тяжёлой работылошадь быстро устаёт и тогда уже сам вместо лошади сквозь слёзы толкаешь полную волокушу. Что только не случается на лесной дороге.

Но это «счастье», таким как Аннушка, ещё впереди. А нынче вечером...

- ... Ну, что, товарищи, всем всё понятно? – вытер потный лоб лектор. – Можете задавать вопросы, я готов на них ответить.

Игэ Митрей, любопытствующий пожилой мужик, погладил широкую бороду, прокашлялся и громко заговорил:

- Вот я хочу спросить, товарищ лектор. Как вы сами сказали,японцам морду набили, так? Финнам досталось будь здоров. С ними, шишигами, ясно-понятно. С германцами, говорите, как его, пак...
 - Пакт. По- другому мирный договор. Как, простите, вас зовут?
 - Игэ Митрейэн... Тьфу, Дмитрий Игнатьевич доселе вроде был.
- Ещё раз довожу до вашего сведения, Дмитрий Игнатьевич, что этот договор даёт возможность жить в мире с Германией. Работать, растить детей. А перспектива на это, лектор кивнул головой в сторону молодёжи, которая сидела в дальнем углу, в вашем селе, как я посмотрю, очень хорошая.
- Что ж это за перспер... тьфу, не выговорить. Языксломать можно. Персперктива-то?
- Как же это перевести на коми язык? Чтобы понятнее было? лектор почесал в затылке. Ну, по-другому, возможность на будущее, надежда...
- Возможностей-то хватает, сразу же послышался бодрый голос молодёжи. Да вот кое-кто...- С этими словами оттуда же послышался визг девчонок. –Пока не понимают...

Поднялся смех, но вскоре всё же утих.

- Ещё вопросы есть? Нет. Тогда у меня всё, - лектор встал. - А сейчас вам покажут новый фильм «Трактористы».

Игэ Митрей ещё хотел что-то спросить, но мужики егосразу одёрнули:

- Дядя Митрей, тебе ведь уже сказали. Не будет войны, нет, не будет. А в случае чего, своей пушистой бородой задушишь лешаков! Дай новую фильму посмотреть спокойно.

В лесу

- Но-о-о, Кубрак, но, дорогой! – помогала Анна голосом сдвинуть полные сани. Полозья слегла прихватило морозом, но лошадь дёр-

нула и легко, играючи тронула волокушу. Много раз уже девушка с благодарностью вспоминала отца. Не пожалел Семён, послал в Мырпонаиб самых сильных и выносливых лошадей. Конечно,председатель колхозазаметил: «Ты, - говорит, -Алексеич опять самых справных лошадей в лес приготовил. А вот в соседнем хозяйстве «Труд», говорят, недураки, хорошими лошадьми, небось, не разбрасываются.

На это «Алексеич» даже выругался:

- А людям, как клячами таскать! С такой животиной и человеку душу положить не долго. Махнул рукой. А «Труд» мне не указ! Ты хоть и председатель, но прятать глаза от людей мне придётся, Митит Семёну!
- ... В конце волока, после выхода на ледянку, девушка остановила лошадь. Осмотрела верёвки, не ослаблили и погладила тяжело дышавшую лошадь по заиндевевшей морде, будто благодарила Кубрака за хорошую работу.
 - Ну, что, Кубрашка, отдышался?

Лошадь тряхнула головой – избавилась от инея. Получилось к месту: «Ещё нет, Аннушка».

- Ах, ты, хитрован! засмеялась Анюта и привязала конец вожжей к носу саней. Ты как хочешь, а я пойду,- и лёгким шагом отправилась дальше. Знает Аннушка, умной лошади не надо лишних указаний...
- «- Почту с Койгородка до Гривы возила. До войны ещё. Четырнадцатилетней девочке так страшно ночью по лесу идти...
 - Не пешком ведь поди ходила, тётя Марья?
- Пусть и нет, но всё равно страшно, не дай Господи! У меня в памяти ещё остался случай, каксо стороны Зимовки одну девушку убили за буханку хлеба, а я здесь часто ведь деньги возила. Зимой волки позади воют, а если испугавшаяся лошадьда из упряжи вырвется...»

Новый 1941 год

Ближе к обеду усталые люди один за другим выходили к жаркому костру. Ах и хорошо, после вязкого, глубокого снега, постоять у огня, который щедро делится теплом. Мгновенно жар вытянет-высушит сырую одежду, только успевай поворачиваться, хорошо. Есть

у огня такой секрет. Никто не знает почему, но возле него человек сразу же успокаивается, будто попадает под защиту. Хочется спать.

Не слышно разговоров, только треск горящего дерева нарушает тишину возле костра. Кашлянет кто-нибудь, виновато соберёт носком сапога угольки ближе к огню и опять затихнет, будто задремлет.

- Ну, что, зимогоры,- издалека обратился к стоявшим у костра лесной мастер. –Пообедаете, отдохнёте и без раскачки собирайте рабочий инструмент. На сегодня работе скажите- шабаш. Всем понятно, господа-товарищи?
- А план-то, Никанорыч, на кого повесите? Может леший будет работать? выкрикнул Шешыв Иван.- Слышишь, Никанорыч?
- А давай на тебя и повесим, Ваня. Ты вон какой мастер на разговоры. Вот и договоришься с лешаком. Можетон тебе и поможетплан выполнить. А мысегодня Новый годбез тебякак-нибудь с Божьей и человеческой помощьювстретим, ответил мастер.

А ведь по правде, забылось как-то, совсем из головы вылетело, что есть где-то на свете такой праздник. Когда можно, не жалея, оставить позади все горести инеприятности. До усталости спеть-развеселить приближающийся новый год.

Новый... 1941 год.

Чем удивишь? Радостью илигорем? Никто не знает. Но человек всегда надеется только на лучшее.

Пришёл год, чистый ещё, как новорожденный ребёнок.

И не заблудился нигде.

Раза два уже постучали в дверь.

- Долго ещё, Дуня, будешь копошиться, - капризным голосом спрашивают снаружи. – Совсем нас тут заморозишь.

Дуня, среди девчат самая мастерица печь, в последний раз посмотрела на стол, полный еды, напитков и довольно хмыкнула:

- Вроде всё готово, лючики-ладно.

Чего только нет на столе: рябчиковый суп, квашеная капуста пушисто лежит в тарелке, даже солёные грибы сверкают в сметане... Смотри-ка даже блинов девушка напекла, большой горкой блестят посреди стола. Вчера через фуражиров сельчане послали такую богатую снедь, чтоб дети хоть в Новый год полакомились вдоволь.

- Ну, заходите, кому не лень! крикнула Дуня и заранее отошла в сторону. Кто знает, что у них, у кикимор, на уме...
- Ой, девочки... Держите меня, -замерла на месте самая бойкая. Но задние толкали её вперёд.
- Отойди-ка, Дося, дай посмотреть... и так же с открытым ртом застывают на месте. Ну, и мастерица ты, Дуня...
- Что, так и будете глазами есть? Марш раздеваться! зарделась довольная произведённым эффектом Дуся.- Могу и передумать.

Второй раз никого звать не надо. Расселись за столом, как стайкаворобьёв. Поели досыта.

- Дунь, а это, ну, спиртное, ещё не улетучилось? – раздался голос среди девушек, и первый взгляд к печке.

Этот спирт послали из лесной конторы вместо подарка. Вместе со спиртом, каждому досталосьпо две пачки «Казбека». На десятерых получилось, как раз 20 пачек и 1,5 литра спирта. Табак и половину спирта девушки ещё днём отдали в соседний барак, где жили парни. «Нам, - говорят.- Такое счастье ни к чему».

- Эх, жалко, что часов нет. И не знаешь, когда Новый год наступит. Добрые люди, наверное, во всю Ивановскую веселятся. А мы сидим здесь перед спиртом.
- Ну, девки, давай поднимем! пьют все, чтоб год был ещё лучше, чем предыдущий. С Новым годом, подруги, с новым счастьем...

Много ли надо 15-16—летним! После выпивки закипела у молодёжи кровь, сладким туманом поднялась в голову. Девушки принялись петь. Чистыми, звонкими голосами, будто в лесной речушке журчащая вода. То поднимутся, зазвенят в высоте и потом, скатившись, пропадут в воздухе. Вот только почему-то, не по своей воле, поются у девушек чаще грустные песни:

ПоДону гуляет, По Дону гуляет, По Дону гуляет Казак молодой.

- Девчонки, кого хороним-то?! Погодите, давайте запоём:

Не чеши в затылке Вася И оставь в покое нос.

Одна по лесу гуляю,
Что же за муж не берёшь?
Вот оказывается, где веселье летало!
Пляшет дом,
Пляшет печь,
Пляшет и голанка.
Я у мамы одна дочка Чисто хулиганка!

- Слушайте, девки! Что этому богатому столу зря стоять? Давайте Эртя Машу возьмём и сейчас же замуж выдадим за Тима Пашу. А что? – загораются глаза у сказавшей, будто так всё и будет. – Павел ведь глаз не спускает с Марьи, всёвозленеё вьётся.

И так каждой нашли-выбрали пару.

Только Анну не трогают, знают, что кроме Коли, пусть и ради шутки, девушке никто не нужен. Был бы Николай здесь, в лесу, не увильнула бы девушка от шутки. Но когда пареньгде-то в стороне (Колю как раз послали учиться на тракториста), над этим молодые не смеются. Приравниваю ту чебную жизнь к службе в армии.

Нельзя часто вспоминать нелюбимых. Как назло, со стуком одновременно, показались соседи. У предводителя ватаги парней Сергея за спиной гармоньвисит, у других в руках, что у кого было, принесли с собой.

- Можно ли нет ли, девушки? спросил Сергей и широко растянул мех гармошки.
- «Можно» за дверью топчется, причину ищет. Но сегодня вечером, если никуда неспешите, можете вдоль стен постоять, за словом в карман не лезет Таля.
- А м-мы ведь не п-п-просто п-п-пришли, а с небольшим сюр-п-п-призом, выкрикнул Иван. Верно, п-п-парни?

Парни согласно кивают головами:

- Верно, верно, как же без сюрприза. Так что не хвастайтесь, дорогие, пустите, покуда совсем не разомлели.

Дуня подошла к Сергею, взяла его за руку:

- Гармониста бы я оставила для веселья, а вот с вами, бездарями, не знаю, что и делать...

- Что де-де-делать?! Ну-ка, С-се-сергунь,разверни ме-меха!Разз-зу -ди меня!

Залилась гармошка и сильный, красивый голосзазвучал кизумлению онемевших слушателей...

Наступившую тишину нарушил выдох:

- -Ваня И это ты?!!
- Мамоньки...
- Д-да, выс-с-соковато взял, -засмущался Иван и отошёл в сторонку.
- -Да что же это делается! Дося! Маша!Подвиньтесь, дайте человеку отдохнуть, видите, усталчеловек!

И парни уже по свойскиуселись за стол.

Эх ты, ненавистная, что же ты сделала с людьми...

«На мужчину, удар был приготовлен, вот из-за этого и крикнуть, голос подать не успела, девонька...» («А зори здесь тихие...»)

Со дня Девятой пятницы Карлам Гриша, с братьями Дмитрием и Филиппом весь день возятся у колодца. Совсем сруб раскрошился, верхушка набок завалилась. И как ему не скособочиться, коли скотцелыми днями возле него поят, воду льют. Колода поильная рядом тоже пришла в негодность. Колхоз выделил лес и наказал братьям привести колодец в порядок. Заодно и новое корыто наладить в дело.

Братьям топором махать, как игрушкой играть. Отец Карлам Алексей с детства по дереву мастер и с сыновьями мастерством поделился, не поленился. Только побаливать началпожилой человек, топором уже не намашешься. Вот и сейчас в сторонкедремлет-загорает под солнышком. Иногда указывает работникам на небольшие недоработки:

-Филипп, конец топора на что дан? – даже подскочил на месте. – Помоги бревно повернуть-то, мать ...воюети...

Братья только посмеиваются между собой, над отцовским«ети». Привыкли уже к его характеру.

- ...Вот ведь, обормот, что делает! – задохнулся от возмущения дядя Алексей. – Что ж он над лошадью-то изгаляется?!Дмитрий, Гриша! Кто это?

По дороге, поднимая пыль, летел всадник. Гриша воткнул топор в

бревно и, прикрыв глаза от солнца, посмотрел на гонца.

- Попробуй тут в пыли узнай? Ну-ка, ну-ка: не вестовой ли? В картузе... Он! – признал Григорий. – Сумка вон на боку болтается.

Братья нашлипричину перекурить. Отец хоть и вытащил трубку, постучал о чурку, но почему-то назад засунул. Взглянул насыновей, кашлянул и, бросив взгляд на удаляющегося всадника, сказал:

- Вот что, братья-славяне, я вам скажу. Давно уже перестали мне нравиться такие-тоскачки по селу. Хоть чтоговори, а нехорошо на сердце. Ты, Филипп самый молодой, давай, не поленись, слётай досельсовета, видать, что-то случилось. Слышишь, Филипп?
 - Слышу, отец, не глухой.

Мужик встал, о пятку сапога потушил недокуренную папиросу и указал на топор:

- Не зайду уже домой. Если соберётесь идти, уберите инструмент в дровяник, подальше от людских глаз...
- Сам по пути и положишь. Заодно скажи Парасе, чтобы щепками баню растопила, ополоснётесь послеработы...братовья.

Нет, не нравится Анне такая забота. Иван, старший брат девушки, весь день провёл с другом на реке, карасей ловил. Большой туес принёс мелкой рыбёшки. Принести принёс, а чистить лень парню, нашёл причину и ушёл из дома. Вот и сидят две сестры, чуть не плачут возле рыбы. Ни у Анны, ни у Лизы не хватает смелости чистить живую ещё, шевелящуюся рыбку. Только возьмут в руки, вроде уже уснул карасик, ан нет, стоит только слегка ножиком дотронуться, а хвост уже дрогнет. Визгу, плеску. Что и делать?

- Отец, что же нам с ней делать?- ноют девчонки, -они же живые!
- А вы их лешаков, попробуйте в воде сначалаутопить, не дрогнув не одним мускулом на лице советуетСемён. –Иван ведь так и делает.

Лиза уже готова, успела в жестяной таз налить воду и принести на стол. Рыба выпущена и вольготно начинает плавать. Девочки чуть не плачут. Отец опять их провёл. Семён покатился со смеху:

- Ой, прекратите, уйдите с глаз долой, две егозы.

Внастежь открытую от жарыдверь неожиданно вошёл Николай. Шагнул вперёд и медленно мазутными руками снял в серую крапинку картуз:

- Дядя Семён, ВОЙНА...
- ...Звук упавшей посуды опередил-заглушил женский вскрик.
- Ты, что, парень... какая война?!!! будто сквозь туман послышался Анне шёпот отца. Коля, ты обманываешь, сынок, так ведь? Скажи, что шутишь. Не смог сразу от смеха перестроиться к пришедшему горю Семён.Просил будто заклинал, отводил от дома беду сразу еще юолее постаревшийстарый солдат...

Парень подошёл к девушке, встретился с ней долгимвзглядом. Молча постоял, тронул руку Анны и повернулся:

- Правда, дядя Семён. Специальную бумагу нарочный привёз. Даже до МТС доезжал, звал людей собраться на митинг.
 - Сейчас куда пойдёшь? очнулся Семён. Домой?
 - Парень кивнул головой и пошёл к выходу:
- Родителям надо сообщить, не знают ещё наверное. Да и соседей предупрежу о митинге.
- Подожди, Коля, я с тобой, выскочила Анна, схватив со скамейкиплаток, и из-за порога уже крикнула, – Яскоро, Лиза!

Кто знает, почему Лизе, а не отцу предназначались эти слова. Кто знает...

... Месяц октябрь. В доме много людей. Плачут. Один мужчина (это был мой отец), взял меня на руки, покачал, прижал, а я убегаю от него, прячусь...

Потом мама ему дала белую ткань. На голбце обмотал ступни портянками, вдел сапоги, взял в руки котомку и вышел из дома...

Проводили его до Дяклев -ручья.

Там много людей было. Поют, пританцовывают, плачут. Отец сильно танцевал. Он уже на мосту сказал маме: «Идидомой, хотя куда не иди, а всё же придётся проститься... С детьми хорошо живи, я тебе оставляювосьмилетнего хозяина, восьмимесячную хозяйку, четырёхлетнего помощника-работника и72-летнего сторожа. Из земли вышли, в землю и уйдём».

У меня в памяти и остались эти слова.

Через 9 месяцев пришла маме похоронка.

Умер отец в госпитале, в Вологодской области...

(Израссказа Чугаевой Дины Александровны).

Повестка

Говорят, что верёвка из трёх прядей вьётся. Три слова: «война», «мобилизация», «похоронка» удушливым узломокружили село. Шестой месяц уже хлещут людей смоляные пряди этой верёвки.

Всё утро мается Ографена - мать Коли. Вчера, темнеть уженачало, заходила соседка и сообщила, что в сельсоветпришёл на этот месяц уже второй мобилизационный список. Кто в эту бумагу попал, сказать не смогла, не раскрывали ещё пакет на ночь. Хоть и знает женщина, что Николая, сына, не возьмутна фронт — ему как трактористу выдали бронь, но сегодня, кто знает почему, ноет у матери сердце. Время обеда. Николай вымыл руки и, думая о чём-то, застыл у зеркала.

Мать заметила это:

- Садись, суп стынет.

Он даже вздрогнул от неожиданности. Повесил полотенце на деревянный гвоздь и сел за стол.

- Ты, Колюшка, в следующий раз с собой возьми обед, обратилась мать к сыну и вздохнула. На месте удобнее будет обедать. На такую длинную дорогу только время теряешь, вместо отдыха.
- Я, мама, горячий суп,как некоторые, не променяю наотдых, молодой парень выпил жидкие остатки супапрямо через край.
- Так-так, сынок, горячая еда желудку полезна. Только ведь ходьба изматывает. Давай ещё налью, бросилась затарелкой Ографена, но Коля поднял руку и встал из-застола. Пальцем пригладил в мелких кудряшках волосы (совсем как у отца), и, одеваясь спросил:
- Мама, отец-то где сегодня, не видно что-то? Повидать надодо ухода.
- А ты на чердаке посмотри, там целое утро гремел. Видно, охотничье снаряжение спускает. Позовисам, не ленись. И скажи, если он ещё там, пусть зайдёт, поест.
 - Если найду, скажу, -уверилпарень мать. И вышел.
- Слава Богу, видно всё у Коли хорошо, одёрнула себя Ографенаи присела к краю стола. Хорошо, что приходил. А то думай потом весь вечер.

Скатала под пальцами колючие хлебные крошки, будто играла с

ними. Посмотрела напосуду.

- Но, лешак, совсем отвлеклась, Ографена! укорила себя. Зову есть, а сама... Подняла, чтобы отнести, пустуютарелку. А под ней красивая бумага.
 - О, Господи, что это? Подошла к окну, стала читать:
- Чу-га-ев... Ни-ко-лайЕ-го-ро-вич... Посмотрела вниз страницы, что там: Во-енный ко-ми-ссар...Ну-ка, перестала читать Ографена. Да ведь это... Коля? Егорович-то?!
- «Вам предписано явиться...» А-а-а-а!!! Коленька!!! разрубил воздух в доме обжигающий крик...

Провожай меня, милая девушка

...Место возле мельницы. Провожающие, большинствомолодёжь (старикам в мороз трудно добраться в такую даль), в последний раз обнимаются с уходящими на войну. Остались позади дни, когда весельем гармони, песнями и плясками провожали рекрутов. Тогда у людей была большая надежда на близкий конец войны.

Нынешним провожающим-уезжающим не до веселья. Стоят напротив, только горькие слёзы текут по лицу.

Анна здесь же, возле мельничного моста... Стоят с Колей немного в стороне от людей. Прижалась к Коле и, не моргая, смотрит на знакомое лицо. Парень тыльной стороной ладони вытер края глаз девушки, а другой рукой крепко обнял Аннушку.

- Не плачь, Анюта, всё будет хорошо. Не на век же уходим.
- Ты хоть, Колечка, оттуда с фронта не забывай письма писать. Парень улыбнулся:
- Да, мы ведь ещё до писем успеем вернуться назад.
- Эх, ты, балаболка, насильно улыбается Аннушка и как в детстве легко щёлкнула хвастуна по носу. Веснушечка ты моя.

Отец Анны здесь же, с провожающими. Сказали человеку отвезти рекрутов в Визингу. В дальней дороге да ещё зимой, всякое может случиться с санями да лошадью, вот и позвали старика. Стоит возле лошадей и хмуро смолитцигарку за цигаркой. Девушка с парнем в обнимку подошли к лошадям.

- Посмотри, Нюра, Кубрак здесь оказывается! — повеселел Коля и восторженно свистнул.

-Кубрак! Кубрак!

Лошадь дёрнула головой и громко заржала. Молодой человек шлёпнул животину по боку.

- Узнал, лытай, не забыл ещё! Ты, Кубрак, хорошо охраняй хозяйку, в обиду не давай.
- Ну и хорошо, если узнал, повеселел и дед Семён. А я головуломаю, кого к вожжам допустить. Если лошадииспугаются таких сопляков, указал рукой на маленьких ямщиков. Толку будет мало.
- Ну, что, товарищи, надо прощаться, эти слова острым ножом резанули сердца людей.
- -Колечка!!! руки Аннушки, будто крылышки обняли парня, солёные от горьких слёз губы ненасытноцеловалиродное лицо.
 - Я буду ждать тебя, Колечка, серебряный мой, буду ждать!!!

Парень, белый как саван, крепкими руками оторвал плачущую девушку от себя, внимательноосмотрел с ног до головы, будто вырубил в памяти дорогой милый образ и затем долго и горячо, до боли в губах, поцеловалсвою Аннушку.

И вновь послышался строгий голос:

- Торопитесь, пехотинцы!
- Пусти, Анна, надо идти, ждать не будут, твёрдым голосом сказал Николай и убрал с шеи Анушкины руки. Перепрыгнул через колею, не оглядываясь, широкошагая, догнал уезжающих.

До посадки в сани схватил ртом пушистый снег. Остановился на месте, сел в сани, хлестнул вожжами:

- Н-но-о, Кубрак!...

Далеко, за поворотом вскрикнула гармонь:

Гривы взгорок, Гривы взгорок,

Издалёка виден ты.

Окаянное сердечко -

Гривенского любишь ты.

Не довелось Коле, как и многим молодым, домой вернуться. Сложил свою голову пареньвсамомконце войны под Берлином. Сгорел в танке.

Вместо послесловия

До начала работы над произведением сам себе твёрдо сказал:

если сможешь, парень, расскажи давай про то, какв войну мучались-работали девушки-трактористки.

Для примера взял историю своей мамы, Митит Анны. С детства уже знал, что мама в войну работала на железном коне, сменила сподругами ушедших на войну мужиков. Из её рассказов знал,как была тяжела эта работа, когда завёрнутые в старую ткань ноги дубеют-мёрзнут на холодном железе, когда на свете самым вкусным был запах гнилой картошки, сварённой в радиаторе. Когда мёрзлая борозда была самой мягкой постелью 16-20-летним девчушкам.

Узнав эту историю, казалось мне, не опытному в писательскомделе, что тут же моментально напишу про это время, открою правде глаза.

Не написал, не смог.

Да и сможешь ли написать об этой, прочувствованной другими людьми, пропущенной ими через себя боли.

- «- Тётя Марья, день Победы хорошо ещё помнишь?
- А как же! День ведь снежный был, но люди так радовались! Поют-пляшут! К вечеру даже общий стол накрыли...

Пожилая женщина, как мне показалось, спрятала глаза и с запинкой добавила:

- Но больше всего мы радовались, когда умер Сталин.
- -!? Знали, что всё зло из-за него на людей выпало?
- Нет, видно, что женщина не обманывает. Не знали, но когда колхозы объединили в колхоз «Маленков»...

Тут я немного перебил тётю Машу:

- А Маленков ведь тоже недалеко от Сталина ушёл...

Надо было видеть глаза бабы Марьи:

- Как? И Маленков такой же был?!!»

Что после этого можно добавить. Какими словами осветить эти далёкие-близкие годы. Найдутся ли те слова, с помощьюкоторых сможешь показать внутреннюю боль людей тех лет.

Вакетов Валерий Ворисович

Родился 19 февраля 1948 года в с. Малая Тавра Артинского района Свердловской области. Работал в Малотавринской средней школе учителем физики, и математики и информатики до 2008 года. Сейчас пенсионер, являюсь председателем совета ветеранов Малотавринской сельской администрации. С апреля 1982 года до октября 1986 года работал председателем Малотавринского сельского Совета. В 2004 годуоткрыл школьный музей и работал его руководителем до выхода на пенсию.

Изучение родного края

На Юго-Западе Свердловской области живет интересный самобытный народ — мари. На 2002 год по переписи населения марийцев проживало в области 27863 человека, а по переписи 2010 года — 23801, а в Артинском городском округе — 4836 и в селе Малая Тавра — 744. Чем же интересен этот народ мари. Своими художественными промыслами, народной хореографией, материальной и духовной культурой; языком, в своих словах которого простота объяснения окружающего мира и мудрость ушедших веков; историей, которая раскрывает непростую судьбу марийского народа, сохранившего свою этническую культуру.

Несмотря на огромное влияние со стороны башкир, татар и русских, уральские марийцы сумели сохранить свой родной язык, обычаи, традиции. Родной язык — суть нации. Не будет языка - не будет и народа. Происходит постепенное «обрусение» марийского народа.

Дети плохо читают или вообще не умеют читать и писать на родном языке. Вот почему встал вопрос об обучении марийских детей своему родному языку.

Культура марийского народа богата и разнообразна. Ее высоко ценят в угро-финском мире. Например, И.С.Ключников-Палантай - первый марийский композитор, Андрей Эшпай - секретарь Союза композиторов СССР и России, его ученики – Эрик Сапаев, Иван Молотов, Дмитрий Кульшетов и другие. Талантливым сочинителем музыки стал В.М. Газетов, уроженец с. Большая Тавра Красноуфимского района, выпускник Малотавринской школы в 1941 году; С.Г.Чавайн – классик марийской культуры, М.Шкетан – драматург, А.Мичурин – Азмекей – марийский Пришвин, М.Юзыкайн и другие. Свое место в этом ряду занял и наш уральский писатель Алексей Эрыкан (Семенов), уроженец д. Андрейково Артинского района. В настоящее время проявил себя как писатель Сапин А.И., Заслуженный работник культуры Марий Эл, уроженец д. Большая Тавра, Надо отметить второго лауреата молодежной премииОлык Ипая Семена Васильевича Николаева, народного поэта Марий Эл, уроженца д. Первые Сарсы Красноуфимского народа, поэта есенинской породы и певца уральской земли.

Все это натолкнуло меня заниматься краеведением, изучением родного края, его историей, писать о его людяхв периодической печати: в газете «Артинские вести», в журнале «Ончыко» (Вперед), в газете «Кугарня» (Пятница), в газете «Марий Эл» республики Марий Эл.

Краеведческая работа в нашей школе была начата в 50-х годах 20 столетия, но она носила несистемный характер. Эту работу тогда проводили Акаева Енафа Петровна, Моисеев Андрей Моисеевич. Надо сказать огромное спасибо Прохорову Александру Степановичу, который проводил экскурсии и походы по родному краю. И, благодаряему, я с 5-го класса пристрастился к походам и записям интересных историй и рассказов людей. Огромный след и любовь к родному Уральскому краю оставил 7-дневный поход после окончания 8-го класса в 1963 году под руководством классного руководителя Каптиева Вениамина Семеновича: Малая Тавра — Амерово — Бе-

резовка — Тюльгаш — Михайловск-Арти, спуск по реке Уфа на плоту. Все это дало импульс на изучение родного края и, после окончания Марийского гос. пединститута им. Н.К.Крупской в 1975 году, организовал в школе клуб «Поиск», с целью привлечь ребят к изучению родного края и привить любовь к нему и своему народу. Перед нами стояли задачи:

- Изучить и раскрыть историю возникновения и развития населенных пунктов Малотавринской администрации;
 - Раскрыть историю появления марийцев на Урале;
- Проследить историю развития образования, медицины, культуры своего села;
 - Работать над топонимикой родного края;
- Выявить всех участников Великой Отечественной войны села Малая Тавра, Багышково, Рыбино;
- Подготовить материал по истории Малотавринской школы и на этой основе открыть историко-краеведческий музей в школе, который был открыт в 2004 году.

Вся эта работа впоследствии стала основой для написания книги «Сторона моя родная», выпущенная 2009 году и 2011 году по 100 экземпляров Красноуфимской типографией.

В книге использована дипломная работа «История развития народного образования на примере Красноуфимского Урал-мари педтехникума и Малотавринской средней школы Артинского района Свердловской области», выполненной студенткой марийского отделения педфака Марийского государственного ордена «Знак Почёта» педагогического института им. Н.К.Крупской Бакетовой Заряной Валерьевной, под руководством доктора педагогических наук Апакаева Петра Андреевича в 1992 году в г. Йошкар-Ола республики Марий Эл. Поводом послужилоиписьмо, написанное 29 октября 1986 годакраеведом-историком, писателем Власовым Анатолием Александровичем, которыйвыслалкраеведческийматериалоб историиМалотавринскойсреднейшколы. Он разъяснил,что «приопределении годы существованияшколыпоМинистерствупросвещения РСФСР долженуказыватьсягодоснованияданной школы независимо оттого, какого типа онабыла в моментвозникновенияикакого типа онаявляетсявданноевремя». В 2013 году нашей школе в декабре исполнился 110 лет. В этукнигу вошли поисковыеработыразныхлет по Малотавринской средней школе, по селуМалаяТавра, по деревням-БагышковоиРыбино, т.к. эти населённыепунктывходятвнастоящее время в Малотавринскую сельскую администрацию, и дети изэтихдеревеньпосещают среднюю школус. МалаяТавра. Атакжеавторыпоместили публикации разных лет на страницах периодической печати, связанные систорией этихнаселённых пунктов и школ, другие материалы, связанные с народом мари и в частности уральских мари.

Большая работа была проделана при сборе материалов к 100-летию Малотавринской школы в 2003 году.

По материалам работыв Свердловском краеведческом музее, Свердловском областном государственном архиве, Пермском областном государственном архиве, Красноуфимском районном архиве, Артинском районном архиве, Малотавринском школьном архиве появилась возможность раскрыть историю возникновения и развития населённых пунктов Малотавринской администрации, развития системы образования на Урале и в том числе Малотавринской средней школы, развития культуры и медицины в Малой Тавре, появления марийцев на уральской земле, возникновения и развития Красноуфимского колледжа и многое другое.

Многому я научился у внештатного корреспондента газеты «Ленинский путь», учителя Багышковской начальной школы Мишина Захара Ивановича; главного редактора этой газеты, а потом газеты «Артинские Вести» Михаила Анатольевича Заводова и корреспондента этой газеты Дюбиной Татьяны Михайловны. Моральную поддержку в выпуске книги оказали Артинские писатели Власов А.А., Красильников Ю.И., писатели-краеведы села Тавра Красноуфимского района Сапин А.И., Александров Б.А. Одобрение и советы по выпуску книги получил от доктора педагогических наук, профессора Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской Апакаева П.А., и доктора исторических наук, профессора Пермского государственного университета Чагина Г.Н. Многому научил при подготовкекниги директор областного Дома фольклора Бо-

брыкин А.А. Благодарен жене Мишина З.И. Валентине Дмитриевне за предоставление архива мужа и директору Багышковского СДК Ушаковой А.М. Большое спасибо и благодарность спонсорам К.Н. Иванову, директору ООО «Дружба» и бывшему директору совхоза «Дружба» Гальянову А.П., Константину и Александру Бакиевым, Ушаковой А.М., директору Багышковского СДК, Ильину А.А., предпринимателю, Аптышевой Ольге Борисовне, директору мебельного салона «Амарис12» республики Марий Эл. Книга разошлась по России, Украине, читают в США, Израиле. Все еще спрашивают, но придется, наверное, выпустить дополнительным тиражом.

Вот недавно, на днях получил письмо из республики Марий Эл от Смирновой (Каптиевой) Надежды Семеновны. Вот, что она пишет: «Прочитала не так давно книгу вашу«Сторона моя родная» о нашей Малой Тавре и его людях. Хочу выразить Вам огромную благодарность. Вы сделали такое очень, очень большое благородное дело, нужное людям своей «малой родины». Дай Вам Бог только здоровья. Она пишет о своей семье, родословной, который я смогу использовать в следующей книге, что дает мне импульс для выпуска новой книги о людях своего села. Это в частности было использовано в новой книге «На фронтовых путях-дорогах» в память о Великой Победе, об участниках войны Артинского района.

Урванцев Лев Яковлевич

Родился в 1940 г. 12 июля в дер. Б.Тавра Красноуфимского района Свердловской области, мариец. Как молодой коммунист, окончивший партшколу, с головой окунулся в общественную жизнь родного села. За плечами 45 лет трудового стажа и по нынешним меркам титанический труд в общественной жизни деревни. 30 лет назад увлёкся резьбой по дереву и вот уже 30 лет в свободное от мирских дел время продолжаю своё увлечение, в основном на патриоти-

ческую тему. Все свои работы я передал на постоянное хранение школьному музею в Тавре и Краеведческому музею г. Красноуфимска.

Семык кече-день поминовения предков

В свои молодые годы об этом дне я размышлял по-разному. Да и время было тогда такое, что о религиозных днях, особенно малых народностях много размышлять не позволяли. Но на протяжении долгой жизни неправильные заблуждения в сознании улетучиваются как утренняя роса под лучами восходящего солнца. На эту тему уместно вспомнить слова бородатого мыслителя-философа «бытие определяет сознание». Если уважаешь родной язык своего народа, то надо ценить и сохранить веру и традиционно установленные старинные обычаи.

Праздник поминовения у марийцев только один раз в году. В этот день издревле народ мари с утра готовил праздничные кушанья и, одевшись в чистую одежду, шёл на погост. У входа на кладбище по-

лагается угостить «Кияматтёрам» (в религиозно мистическом представлении главенствующего в загробном мире). Затем проследовали к могилам родных и близких людей. Там, опустившись на колени, каждому поимённо положили хлеб и принесённую разную снедь. В специально оставленной на могиле посуде, тоже поимённо наливали горячительные напитки. При этом не возбраняется угостить всех присутствующих при поминании. По законам природы первыми нас покидают и оказываются на том свете наши родители. У каждого человека с детских лет дороже матери ни кого нет. Впервые, открыв глаза на мир, с рёвом требовали у мамы молока. Но, к сожалению, самый дорогой человек- мать окажется в могиле. А чтобы её никогда не забывать в давнее время умный человек мари придумал этот день родительского поминовения-«Семик». В повседневной сутолоке мирской жизни этот день часто забывали многие люди и раньше. Поэтому в день Семик запрещалось работать в личном хозяйстве, особенно острорежущими инструментами. А кто забывал старый запрет, попадал в беду. (На своём опыте об этом многие знают).

Вот и нынче мы супругой с утра заторопились на кладбище к своим родителям. Совершив старый обряд поминовения, мы отправились в Андрейково, что в Артинском районе, где живёт наша дочь Изольда с семьёй. У неё с мужем Андреем уже взрослые дети, которые все трое учатся и работают в Екатеринбурге.

Утром этого дня у Изольды было чемоданное настроение: прошло только два дня, как приехали из Й-Олы, где побывала со своим коллективом художественной самодеятельности-участниками праздника цветов (Пеледыш пайрем). Вот и сейчас, когда мы к ним приехали, позвонила Изольде худрук Ольга Николаевна Вапаева и сказала, чтобы мы одели марийские праздничные и шли кладбищенской горе. Приглашение мы приняли, и прибыли через 15 минут. А молодые женщины и девушки: Анна Григорьевна, Нина Ивановна, Изольда Львовна, Лариса Ивановна, Ольга Николаевна, Юлия Ивановна, Роза Ивановна и т.д.- все в национальной одежде. Их яркие наряды и платки живописно смотрелись на фоне вековых белых берёз. Женщины словно цветы, собранные в красивый букет стояли на праздничной сцене большого дворца. С ними вместе вели непри-

нуждённую беседу в белой одежде и шапке главный карт Канакаев Л. И. его помощник Александров Б.А. и житель Андрейково Мезин С.И., которых на правах хозяина, душевно здоровался и похлопывал по плечи. Через несколько минут главный жрец сказал так:

- Уважаемые присутствующие, сегодня в день поминовения, мы здесь собрались, чтобы возложить камень славы герою марийского народа, который сражался с врагами и погиб в бою недалеко от этого места. Я думаю, первым делом, мы сходим в ту ложбину и наметим камень славы герою, сражавшемуся за свой народ. Поговорим на месте, а затем, вернувшись обратно на кладбище, помянем своих родных возле их могил.

Согласившись с его предложением, все двинулись вперёд по ложбине Манчажской (Старая дорога напрямик в Манчаж).

На правой стороне горы, на вершине среди деревьев плоскими камнями ребятишки из деревни написали «Андрейково 1691» и побелили их. На второй ступени этой горы с вековыми берёзами располагается вечный покой усопших. Поэтому эту гору назвали кладбищенской горой.

А тем временем небо над всеми такое необычное, как будто благословляло нас на святое дело своим лучезарным теплом. Стало солнышко греть наши плечи ещё жарче. Под ногами из-под листьев выглядывала яркая земляника и крупная клубника. Они манили и заставляли нас наклониться и принять их, как природные дары.

На левой стороне, позади нас, осталось глубокая ложбина с красной глиной на дороге (Красная ложбина). Как будто напоминая нам лишний раз, что мы живём на Урале; нам на пути возвышалась ещё одна высотка, на вершине которой под лёгким дуновением ветерка развевался трёхцветный флаг. Чтобы развеселить наше путешествие, перелетая с места на место, звонко куковала кукушка. Дальнейшая дорога нас заманивала на гору всё выше и выше, становилась всё уже и уже, как заячья тропа. И мы пошагали гуськом под ветками высоких деревьев и пролезая через мелкий кустарник. Впереди меня с лёгкой походкой не шла, а плыла, как лебёдушка, молодая девушка в белом платье с узорами на подоле, в рукавах и груди. (Фасон из Марий-Эл). С ветвей деревьев радостно неслись разноголосые

пения птиц. Одна, маленькая, своим пением сопровождала девушку в белом: «Чи-чиви, чи-чиви, чи-чиви» А девушка ей в ответ: «Я не Чичиви, а Саскавий, а Чичивийакай осталась дома».

На противоположной высокой горе, за глубоким оврагом, с величественной сосны ворона гаркнула на всё воронье горло: Кар-кар, Ма-кар, кар-кар, Ма-кар. Проходящий среди нас женщине воронья песня не понравилась, и она тут же запротестовала: «Характер моего Макарушки золотой, а не такой кручёный, как твоё выражение».

Вдруг из густых кустарников послышалось: «Кука-ра-чача, кука-ра-чача», конец песни «чача» выговаривает охрипшим голосом как мужик с похмелья. Среди нас, не переставая разговаривать между собой, бойко топали две мальчишки. Услышав незнакомую песню птицы, один из мальчишек говорит: Этот пернатый видать перелетел «из-за бугра», совсем не по-нашему поёт. Такие непонятные слова часто появляются на экране компьютера.

С таким весёлым настроением за полчаса мы оказались у большого камня-валуна, где написано краской «Патыр» (Силач, богатырь).

Тем временем наш главенствующий служитель божества, родившийся в Первых Сарсах, молодой ещё Канакаев Л.И. вытащил из дорожной сумки выпечённый в печи белый и душистый каравай. Расстелив на камень белую скатерть, положил бережно хлеб. Затем поднял каравай над головой, поцеловал и поставил на хлеб три тоненькие свечки. Все прибывшие повернулись лицом к солнцу, и жрец сказал так:

«Большой и Белый Всевышний, в этот летний день за то, что собрал нас в одну группу, уважая марийского силача, ставим памятный камень. Доброе дело, выполненное несколько веков назад, поможет в жизни марийского народа и теперь. Надеясь на твою помощь, чтобы мы победили разные невзгоды в жизни, скажем перед Богом молебные слова».

После Леонида Ивановича несколько трогательных слов сказал и Борис Алексеевич Александров. А я, как резчик по дереву, привёз сюда из школьного музея Тавры вырезанный мной образ Чоткар-патыра, героя марийского эпоса. Чтобы общими суждения прибывших, выдумать новый образ героя из Андрейково. Моя мечта,

над которым сейчас работаю, выполненная скульптура будет стоять в школьном музее д.Андрейково, где учились мои внуки или в музее Эрыкана. По легенде, написанной в очерке Ю. Красильникова, деревню Андрейково основали два брата Федосей и Андрей.

Валерий Дмитриевич Ганькин, рождённый в д. Андрейково участник 9-го съезда Мари, сейчас живёт в г. Красноуфимске и занимается краеведением. О своём земляке герое-силаче он «откопал» в архивах такой материал; «В далёком прошлом все эти округа принадлежали Кызылбайскому башкиру. Эта местность раньше мари была заселена башкирами.

Однажды в своём владении башкиры обнаруживают марийское селение. Башкирам нужен был договор, по которому они взымали дань (ясак): пуд мукис каждого двора. Завязался спор, затем и драка. Марийцы, народ не смелый но, по необходимости, умели храбро защищаться. Они мастерски владели мечом, луком и стреляли.

В 1735-39 годах между башкирами и марийцами шла постоянная борьба. Тогда марийская деревня бала небольшая, и народу в ней было мало. Марийцы храбро сражались и башкирам свои владения не уступили. Но в последнем бою предводитель марийцев был тяжело ранен и после победы скончался.

Имя того героя теперь никто не помнит, говорят, что смельчак, богатырь, патыр по-марийски. В месте, где произошла борьба двух народов, и погиб тот герой – Патыр. Это для марийцев должно быть очень даже значимо, т.к. если бы не Патыр-марий, башкиры зарубили бы всех жителей, а деревеньку сожгли бы».

После проведения такого благородного мероприятия, все легко двинулись в сторону деревни. Пока дорога не довела нас до кладбища, веселели и девчата, а Ольга Николаевна сказала:

-Девочки, когда шли к камню, мы слушали пение птиц, а теперь пусть слушают они нас. И завела лирическую:

Ах, гармошка заиграла И запела песню я Все четыре ухажёра Покосились на меня

Песню подхватили Лариса да Юлия. Нина и Роза, подмигнув хи-

трыми глазами, запели озорную песню:

Подружка моя У нас миленький один Ты ревнуешь, я ревную Давай его продадим.

Продолжили песню Изольда и Анна; Подружка моя, Как мы будем продавать И не стыдно ли нам будет На базаре с ним стоять.

Дальше запели ещё громче и все вместе;
Продадим задёшево
Своих денежек добавим
И купим хорошего.

Ольга Николаевна запела другой куплет; У меня милёнки два Два и полагается Если один не проводит Другой догадается

Но тут нашему взору показался крашеный забор кладбища, а лица девчат стали серьёзными. В берёзовой роще, среди холмиков могил, деревья стоят, словно осиротевшие женщины в белых кафтанах. Они, эти женщины, выполнявшие за свою жизнь любую трудную работу на совесть, и теперь стоят, опустив уставшие плечи. Временами, под лёгким ветерком зашелестят листвой, словно платки на голове у женщин. Украдкой вытирают слезинки концом платка и, закрыв рот, молча стоят, направляя свой взгляд куда-то в прошлое. Кладбище живому сердцу человека всегда не мило. Тут и заборы покрашены, и имена написаны красиво, а всё-таки, увидев всю эту картину, ухудшается нестроение и на глаза наворачиваются горячие слезинки. Здесь захоронены все умершие жители Андрейково и ро-

дители нашего зятя Андрея, т.е. наши сват и сватья.

Дальнейший рассказ о своей деревне ведет житель этого селения Мезин Сергей Иванович. До выхода на пенсию он шесть лет трудился бригадиром-полеводом и управляющим этого отделения целых 18 лет.

«Если мы встанем спиной к кладбищу, а лицом к деревне, то увидим другое сердцу горькое зрелище на краю селения, прямо перед нами, до развала Советского Союза размещалась молочно-товарная ферма со всеми подсобными помещениями. Были отдельные строения для маленьких телят и подростков. Обедали рабочие фермы там же, в столовой. Теперь вот уже 20 с лишним лет ничего тут нет, и не работает ферма. Корпуса коров и телят, кормоцех и столовый стоят без крыши и оконных рам. И так во всех районах, областях страны и по всей России. Тут же вместе с этой фермой похоронены Советская власть и общественный строй. Возле фермы бурьяном и крапивой заросли 4 силосных ям. На Микишкин-горе развалилась кормовая база. На этой ферме много лет трудились потомки героя Патыра, до-или 400-450 голов коров, где ежедневно обслуживали ферму 40-45 механизаторов. В отделение своими работами занимались 100-110 рабочих.

Любил свою работу и усердно трудился Андриянов Иванай (скотник), Алексеев Анюшка дояркой проработала 25 лет, Луканина Таисия долго ухаживала за телятами, её трудовой стаж 40 лет. Уважаемыми механизаторами были два однофамильца- Митькины Митрофаны, Пашаев Илья, а среди молодых Луканин Иван. Ильина Ольга работала в магазине 40 лет. Но население Андрейково самым лучшим наследником Патыра считает своего земляка-писателя Алексея Николаевича Семёнова (Эрыкана). Он родился в деревне 1912 году в семье учителя. (Его 100-летний юбилей широко отмечен летом 2012 года. Было много приезжих гостей). Эрыкан учился в Красноуфимском Урал-Марийском педтехникуме. Работал в Й-Оле во многих редакциях: «Марий Эл», «Марий Коммуна», в книжном издательстве «У вий». Но в 1937 году без вины репрессирован. Отсидел 10 лет в лагерях, после освобождения арестован вновь. Его драгоценная жизнь прервалась в Красноярском лесоповале 1957

году, уже при Хрущёве.

В честь своего известного земляка Андрейковцы свою главную улицу назвали им. Эрыкана.

Сейчас, выстроенные когда то из красного кирпича магазин и клуб своим видом пустых стен душу выворачивают. За двумя параллельными улицами тракторный гараж и зерносушилка тоже годами разваливаются на глазах. По руководству Горбачёва и нашего «уважаемого» земляка Ельцина произошла бархатная революция. Но взамен пришла «житуха» как в грубом мешке из крапивы. А ведь за власть Советов положены миллионы жизней и пролиты тоннами крови. 1941 году в Отечественную войну из Андрейково отправились 130 человек, а вернулись с победой только 60. Не вернулся комиссар батальона Сыропятов Николай И., лейтенант Имаев Илья П., старшина роты Дайметов Павел И., сержант Селеев Михаил И. А ПегашевИван Канышевич трижды был ранен, но Берлин брал! С двумя орденами встретил Победу. Николаев Яков Стафеевич четырьмя медалями, Ганькин Дмитрий М. с орденом и семи медалями вернулись в родную деревню. В 2015 году исполнится 70 лет Великой Победе.

Сейчас во многих деревнях и хлеба не сеют, и коров не доят, ломают свиноферму и не сдают мяса. Молодые люди вынуждены искать работу и зарабатывать вахтовым методом. Так кормят семью и учат детей. Сколько может эта катавасия продолжаться в сёлах? У марийцев есть старинная песня:

Давайте родные, сделаем невозможное:
Из песка завьём верёвку.
Из песка вить верёвку не возможно
Два раза на свет не придёшь.

Из песни слов не выкинешь, а жизнь снова улучшить можно. Под мудрым руководством (не теперешних царей) за 20 лет полностью восстановили послевоенную разруху. Горбачёву за развал Союза присудили Нобелевскую премию, и с тех пор вот прошло уж 20 лет, а мы топчемся в яме. Стоим с котомкой за плечами, как Иван-дурак в сказке: Налево пойдёшь -коня потеряешь, направо пойдёшь- голову потеряешь. Не знаем куда идти и как завтра будем жить.

Харасов Лнас Лмирович

Заслуженный художник Башкортостана. Член союза художников России. Член международной ассоциации изобразительных искусств — АИАП ЮНЕСКО.Доцент кафедры ХПТТ — художественного проектирования и теории творчества уральского горного университета г. Екатеринбурга.Участник городских, областных, региональных, российских, международных выставок с 1974 г. по 2008 г. Живописные рабо-

ты находятся в картинных галереях г. Уфы, г. Екатеринбурга, в частных коллекциях Турции, Австрии, Финляндии, Израиля.

R 25 FOR 25 FOR

N N FOR NEW PARTY SALES SALES

A H FOR H FO

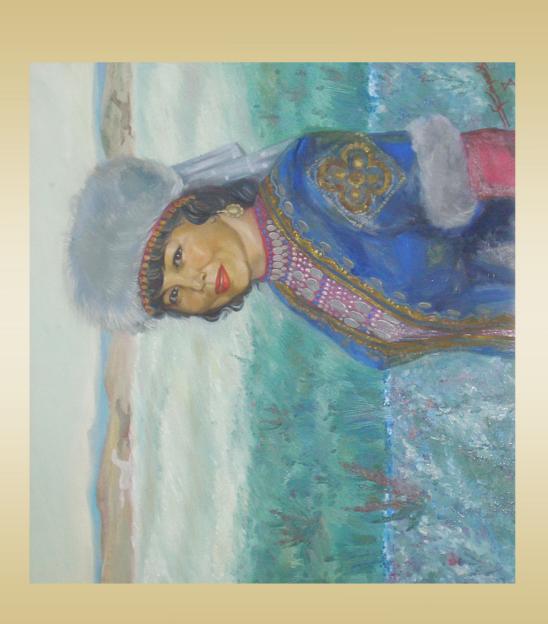

of 13 For 13 For 13 For 14 For 12 For 12 For 14 For 14 For 14 For

X

X FOR X

N N FOR NEW PARTY SALES SALES

A H FOR H FO

of the first the

Указатель народов

- Башкиры 16, 69, 133
- Белорусы 57
- Коми 96
- Корейцы 27, 32, 44
- Марийцы 119, 124
- Русские 8, 22, 78

